

О. В. Кириченко

Сельский священник-подвижник в советские годы

Схиигумен Митрофан (игумен Серафим, Мякинин) — один из выдающихся представителей сельских пастырей Воронежской земли в годы гонений на Русскую Православную Церковь, подвижник и исповедник веры, выросший в гуще народа и из народа. Он сыграл выдающуюся роль в организации женского монашества и женского подвижничества в период с конца 1930-х — до начала 1960-х годов в Воронежской, Тамбовской (включая нынешнюю Липецкую) и частично Волгоградской (Сталинградской) обл. Большую и известную народу часть своей жизни он провел на приходе в с. Ячейка Щученского (а ныне Эртильского) р-на Воронежской области, где был настоятелем Михаило-Архангельского храма с 1951 по 1961 годы. На его заслуги перед Церковью, на его духовную высоту, достоинство подвижника, имеющего от Бога дары прозорливости, молитвы, исцелений, указывают его святые современники: преп. Кукша Одесский (Величко), с которым отец Митрофан был дружен долгие годы; о. Иоасаф (Моисеев)¹, оптинский монах, проживавший в г. Грязи Липецкой обл. и состоявший с о. Митрофаном в тесной духовной дружбе и молитвенном единении. Преподобный Кукша и схиигумен Митрофан отошли в мир иной почти в одно время: преподобный — 24 декабря, а схиигумен Митрофан — 25 декабря 1964 г. в 6 часов утра². Также о. Серафим общался в Воронеже со старцем Феодором — монахом (архимандритом), приехавшим из Афонского Свято-Пантелеймоновского монастыря вместе с о. Кукшей. После отбывания ссылки в 1930-е годы, старец жил в Воронеже, как обычный миря-

нин, но окормлял большое число верующих, в том числе и монашествующих.

В беседе с правящим архиереем Курской епархии митрополитом Ювением (Половцевым), который в 1960-е годы был предстоятелем на Воронежской кафедре, я спросил его о выдающихся пастырях на Воронежской земле в послевоенные годы. В числе таковых были названы схиигумен Митрофан (игумен Серафим Мякинин), архимандрит Ювений (Виноградов), настоятель Знаменского собора в г. Ельце, протоиерей Василий Золотухин и схиархимандрит Макарий (Болотов)³.

Основной материал для написания полной канвы биографии игумена Серафима был получен от Александры Андреевны Казаковой (монахиня Антония), постриженицы о. Серафима, родившейся и выросшей в с. Ячейка, а ныне проживающей в г. Воронеже. Александра Андреевна обладает великолепной памятью, способностью помнить интонации, образы, подробности разговоров и, кроме того, это энергичный и деятельный собиратель всех памятных случаев об отце Серафиме. Она в течение нескольких лет подробно расспрашивала всех, кто близко знал батюшку и сохранил в памяти какие-то истории. Многих из этих людей уже нет в живых. А.А. Казакова записала все об о. Серафиме, что видела и слышала сама лично и что ей рассказали люди в общую тетрадь. Записи получились в виде биографического повествования, состоящего из воспоминаний и отрывков из дневника о. Серафима, который батюшка вел многие годы и который ныне находится у Александры Андреевны. Но составленный

¹ В 2006 г. состоялось перенесение его честных останков из г. Грязи Липецкой обл. на братское кладбище Оптиной пустыни.

² Духовные дети рассказывают, что в дни сорокаднейшего поминовения подвижников они явились в сонном видении одной из монахинь вместе, говоря, что спешат во многие места, где их поминают.

³ Беседа состоялась в Курске 20 августа 2002 г. // Полевой архив автора. Дневник № 2. 2002 г.



Преподобный Кукша (Величко) — в центре, игумен Митрофан (Мякинин) — слева, протоиерей Василий Золотухин

А.А.Казаковой текст не имеет ни четкой хронологически выверенной канвы, ни привязки к датам, ни необходимой нам полноты фактов и «фона», так как у составителя жизнеописания была вполне определенная цель — сохранить память о духовном отце и поспособствовать делу его церковного почитания.

В 2004 г. Задонский Рождества Богородицы мужской монастырь издал книгу «С любовью к людям» (о схиигумене Митрофане), составленную большей частью по материалам А.А. Казаковой. В 2008 г. эту книгу включили в качестве главы в другую книгу, посвященную нескольким старцам Воронежско-Липецкого региона. — «С крестом и Евангелием (Задонск, 2008). Книга памяти игумена Серафима коллективом авторов подготовлена с привлечением архивных материалов (епархии и областного архива), имеет хронологическую канву и содержит богатейший материал воспоминаний многих людей, близко знавших о. Серафима. Большое внимание уделено описанию чудес в жизни этого старца, так как у издания две задачи: сохранить память о выдающемся пастыре и собрать материал для возможной будущей кано-

низации. В этой связи немаловажной задачей является привлечение внимания тех, кто не знал старца при жизни, но ныне может молитвенно обращаться к нему.

Наши полевые материалы отчасти содержат материал, опубликованный в книге (период до служения в Ячейке), так как мы пользовались тетрадью А.А. Казаковой, с некоторыми уточнениями и дополнениями, взятыми из архивных материалов, но большей частью мы приводим воспоминания, отсутствующие в книге. Мы проводили опрос в другом ракурсе, нежели авторы книги, изучая влияние подвижника на народную религиозную жизнь, на монашество, поэтому мы и воспроизводим здесь свой вариант воспоминаний. Я благодарю Александру Андреевну Казакову и всех моих многочисленных собеседников, щедро поделившихся своими сокровенными воспоминаниями.

+++

Родился игумен Серафим (схиигумен Митрофан Мякинин) 14 сентября 1902 г.⁴ в с. Марьевка Щученского р-на Воронежской обл. в бедной крестьянской семье. Родители его —

⁴ На могильном кресте поставлены даты 1900 — 19 (25) 1964 гг. и надпись «Схиигумен Митрофан (Мякинин)». В анкете следственного дела стоит дата рождения 14 сентября 1902 г.

Михаил и Дарья Мякинины — дали ребенку при крещении имя Никита. Мальчик рано лишился матери, и в полноте узнал горечь сиротской доли. В четыре года он уже сам бегал за 4 км в соседнее село Михайловку в храм на службу. С сельскими детьми он не играл, так как они, завидев его, дразнили попом. Со слов Любви Васильевны Рябининой, родившейся в Марьевке и проживающей ныне в г. Старый Оскол, среди жителей деревни было много сектантов и маловеров. Была в деревне только одна девочка, с которой Никита играл: «то она монашечкой представлялась, то он вроде как батюшка».

Образование получил в сельской начальной школе. Другого образования о. Серафим не имел, но всю жизнь много учился самоучкой, читал, вел записи. Быстро выучился читать, а потом стал учиться читать по церковно-славянски.

Никита рано начал понимать смысл того, что поют и читают в церкви. Также с самых ранних лет стали проявляться в нем духовные дарования: прозорливость, сила молитвы. Судя по сохранившимся рассказам, еще мальчиком Никита убедился в силе своей молитвы, силе своего слова и стал внимательно относиться к духовной жизни. На будущую священническую и монашескую стезю о. Серафима еще в детстве указал его бабушке местный блаженный Иоанн. Пока она разговаривала с блаженным, Никита несколько раз заглядывал в комнату, и тот, видя мальчика, не раз повторял: «А монашеночек, монашеночек». Как обычно бывает с детьми не от мира сего, он сильно отличался от сельских ребятшек: не участвовал в играх и весельях, но проявлял искреннюю любовь к храму, за что его дразнили попом. В местной сельской школе при церкви Никита быстро выучился читать по-русски и церковно-славянски. А как одолел грамоту, стал читать жития святых. Эти знания позволяли ему помогать в Михайловском храме священнику о. Петру Корыстину — образованному и почитаемому (доныне)⁵ в округе пастырю.

Из родительского дома еще подростком Никита перебрался в Михайловку, где был храм. Там он жил в доме одной чернички. До самой смерти священник не забывал благодеяние доброй женщины, молился о ней и поминал ее за



Никита Мякинин — послушник в монастыре

Литургией. Когда подрос, стал ходить и ездить со своими односельчанами-богомольцами по святым местам. Некоторые из сельчан Михайловки говорят, что в ту пору он побывал даже в Иерусалиме, хотя эта информация не подтверждается другими источниками. В основном богомольцы ходили в Киев и Почаев. Особенно мальчику нравилось бывать в Киево-Печерской лавре. Там он и познакомился с о. Кушей (Величко)⁶. До самой смерти о. Серафим находился с ним в духовной дружбе. Со слов схиархимандрита Серафима (Мирчука), хорошо знавшего батюшку, это не были отношения послушания духовного сына духовному отцу, а просто связь близких по духу людей.

⁵ На его могиле стоит железный крест, как говорят жители — тот самый, что был когда-то на михайловской церкви св. Андрея, Христа ради юродивого. Крест сбросили большевики, но сельчане тайно забрали и поставили на могиле любимого пастыря. Протоиерей Петр в первые годы обновленчества, когда правящий архиерей стал обновленцем, также был обновленцем, но потом, по словам людей, разобрался в ситуации и отошел от обновленчества, жил аскетической жизнью. До сих пор люди приходят к нему на могилу и молятся, обращаются к нему.

⁶ Преподобный Кукша (Величко) Косьма Кириллович, 25 янв. (н.ст.) — 24 декабря 1964 г.) — Схиигумен Кукша. Жизнеописание и акафист / Сост. жизнеописание монахиней Варварой. М., 1995.

Монастырская жизнь оказалась близка Никите, и у него появилось желание поступить в лавру. Но время было трудное, в обитель его не приняли, но благословили поехать в Нило-Столобенскую пустынь. Там юношу взяли, и послушник Никита пробыл в монастыре до времени его закрытия большевиками, после чего опять вернулся в Киев, ходил по святым пещерам, просил святых молитв у почивших и живых лаврских святых отцов на дальнейший путь. Его благословили ехать опять в свою деревню и работать при храме. И он отправился к себе на родину. В анкете о. Серафима есть еще краткий эпизод служения в Красной Армии — зимою 1924 г., очевидно, по призыву⁷. Тогда о. Серафиму было 22 года.

Настоятель поставил его на должность старосты — «титора» (ктитора), как тогда говорили на селе. Забот было много. Часто приходилось отправляться в город пешком (транспорта было тогда мало). Шел на железнодорожную станцию, оттуда добирался до Воронежа, где покупал свечи, ладан и все необходимое для храма. Взяв мешок на плечи, он тем же путем возвращался домой. Батюшка об этом рассказывал так: «Поеду, бывало, в епархию и целый пуд свечей везу и еще какие-нибудь вещи из церкви: крестики, ладан и все это несу на спине 40 километров. Так тяжело мне было, но я выполнял послушание»⁸.

Имея сердечное желание стать священником, НикитамногомолилсЯ и просил Царицу Небесную помочь ему, и был услышан. Рукоположение его во священники целибатом совершил, вероятно, в 1933 г., священномученик епископ Воронежский Захария (Лобов) в воронежской Успенской (Адмиралтейской) церкви⁹. После этого иерей Никита получил приход в молитвенном доме в г. Старый Эртиль, но прослужил там короткое время и был переведен в с. Малые Ясырки Щученского р-на. Село состояло из 300 дворов и считалось «малоходным», поэтому сюда посылали одиноких священников¹⁰. В то время батюшку вызвал в Киев его духовный отец — о. Анатолий — и сказал: «Тебе, отец Никита, предстоит новый подвиг, просьба твоя не забыта, давай молиться, путь, который ты выбрал, очень

трудный. Ты будешь иеромонахом». В Киево-Печерской лавре иерей Никита был пострижен в монашество с именем Серафим, в честь преподобного Серафима Саровского. С именем Серафим батюшка прослужил почти до самой смерти. Схиархимандрит Серафим (Миручук), хорошо знавший старца в беседе с нами сказал, что о. Серафима постригал в монашество иеромонах Анатолий в Киеве во Флоровском монастыре и сколько-то лет о. Серафим простоял гробовым у мощей велимученицы Варвары¹¹. Но в какие годы это было, неизвестно.

Время настоятельства в Ясырках о. Серафима совпало с особо тяжелыми гонениями на Церковь, повсеместными арестами священников и церковных людей. Служение о. Серафима самого начала, отличалось истовостью и старательностью, горячей молитвой, слезами покаяния. Уже в конце жизни, будучи тяжело больным, он сказал одному священнику, что за все время священства ни разу не видел сводов храма закрытыми. Ему приходилось втайне ходить по району и области, так как священников не хватало, немало храмов было закрыто, а во многих хозяйничали обновленцы. Отец Серафим посещал в основном те села, где жили монахини из закрытых монастырей, и это духовное послушание стало главным в его жизни. А ведь в одной только Воронежской епархии до революции находилось восемь женских монастырей, в каждом из которых подвизалось не менее 300 насельниц. К концу 1920-х годов обители были окончательно упразднены, а монахини и послушницы рассеяны по городам и весям области. С 1930-х и до 1960-х годов, вплоть до кончины, о. Серафим окормлял огромную территорию Воронежской, Липецкой и отчасти Тамбовской областей, где по селам группами жили десятки и сотни монастырских монахинь и рядом с ними множество молодых девушек, воспитанных ими в монашеском духе и постриженных о. Серафимом.

Когда о. Серафим бывал в Воронеже, то заходил в Покровский девичий монастырь. Это было до 1929 г. — времени, когда монастырь закрыли, а потом разрушили¹². В монастыре до его закрытия

⁷ Центральный архив новейшей истории г. Воронежа (далее — ЦАНИ). Ф. 9353. Оп. 2. Д. 22562. Т. 3. Л. 130 об.

⁸ Тетрадь А. А. Казаковой.

⁹ Епископ Захария (Лобов), на Воронежской кафедре (до ареста и ссылки на Соловки) с 1929 по 1935 г. — *Прот. Владислав Цыпин*. История Русской Церкви. 1917—1997. М., 1997. С. 737.

¹⁰ Государственный архив Воронежской области (далее — ГАВО). Ф. 2565. Оп. 1. Д. 9. Л. 163 об.

¹¹ Архив автора. Экспедиция 2001 г.

¹² Монастырь большевики хотели закрыть еще в 1925 г., когда обнаружили здесь «монархический заговор» и арестовали самозванца «царевича Алексея». Игуменья Арсения (Драгавцева Нина Глебовна) тогда тоже была в числе обвиняемых. — ЦАНИ. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 6636.

подвизалась Христа ради юродивая Феоктиста¹³. Однажды (очевидно, уже после закрытия обители, так как речь идет о событии 1934 г.) матушка Феоктиста подошла к о. Серафиму сзади и ударила его в ухо, да так сильно, что «он летел до двери». А потом спросила: «Еще? Хватит!» И дала ему три сухаря, предсказывая, как потом выяснилось, будущий арест.

Накануне своего ареста в Малых Ясырках в 1934 г. о. Серафим сказал монахине Ирине, что жила при храме: «Я буду спать на колокольне». Будучи еще довольно молодым по возрасту, батюшка, однако, жил напряженной духовной жизнью. Так, ему было открыто, что в такой-то день за ним придут, арестовывать. А когда пришла милиция, матушка испугалась, не выдержала угроз и показала место, где батюшка скрывался. Всю жизнь она потом оплакивала свой проступок. Милиционеры, найдя священника, повели себя мягко, предупредили его, что пришли забирать его совсем, чтобы он брал с собой все самое необходимое. И он взял самое необходимое — антиминс. Со слов батюшки, в ссылке несколько священников иногда, собравшись вместе в лесу, тайно совершали Литургию и причащались.

Арестовали о. Серафима в июле 1934 г., но тучи начали сгущаться раньше. 24 февраля 1934 г. благочинный С. Навочадов пишет архиепископу Захарии о плохой связи со священником Н. Мякининым: «Священник Мякинин у меня до сих пор не был. Я с ним посылал немного пшена. Не знаю, получено ли Вами? Из переданных ему 45 рублей: 20 рублей из церкви М. Ясырки, 25 руб. из церкви с. Боршево (недомка за 1933 г.)»¹⁴. 17 июля 1934 г. Никита Михайлович Мякинин по постановлению уполномоченного ОПО Усманского оперсектора НКВД был арестован и обвинен в том, что «входил в состав группы антисовестски настроенных церковников, и вел пропаганду среди окружающего населения монархических идей, участвовал в нелегальных сборищах и проводил индивидуальную антисоветскую агитацию»¹⁵.

Из материалов следственного дела следует, что целую группу лиц, в том числе священника Серафима, обвинили в монархическом заговоре, который будто бы действовал на территории Мордовского, Токаревского и Щученского районов Воронежской обл. «Они распространяли слух, что царь жив и с семьей скрывается в близлежащих районах», — говорилось в следственном деле. Священник Никита Мякинин был арестован по доносу некоего В.М. Каргина, который рассказал следствию, что Мякинин «имеет тесную связь с попом Павловым, с которым они ходят хором из села в село и служат объединенные службы в церквях сел Малые Ясырки и Большие Пески. Они же имеют тесную связь с монашескими». Сам о. Никита на допросах отрицал свое участие в монархическом заговоре. Пока велось следствие, о. Никита был отпущен домой и с него взята подписка о невыезде. Вообще нам трудно сейчас точно проверить, что в этом деле было придумано следователями, а что было правдой, но, имея другие свидетельства об оппозиционной деятельности монахинь и черничек на этой же территории, мы можем говорить, что в массе своей в это время их активность не носила политического характера, а имела духовную — антиобновленческую направленность¹⁶.

В храме, где служил о. Никита, другой ясырский священник — Захарий Лысенко, по отзывам прихожан, симпатизировал обновленцам и был человеком двуличным, хотя сам Ясырский храм не относился к числу обновленческих. Сохранилось два документа из комплекса обновленческих дел, где священник Захария описывает, что происходит в храме, после того как о. Никиту выпустили (30 декабря 1935 г. он пришел домой в неделю праотец в субботу под воскресенье по новому стилю). Священник пишет, что хочет занять место о. Никиты в Ясырках, так как о. Никита не появляется в церкви, после выхода из-под стражи «побыл здесь два дня и опять ушел куда-то, ни то в Михайловку, ни то в Чернавку, а мне не сказался, но он хотя мне особенно не препятствует, говорит: „Да служи пока я еще какой месяцёк

¹³ Блаженная Феоктиста (Феоктиста Михайловна Шульгина). Из дворян, вдова морского офицера, была в духовной дружбе со священномучеником архиеп. Воронежским Петром (Зверевым). Умерла в феврале 1936 г. — Блаженная Феоктиста, Христа ради юродивая // Воронеж Православный. № 2 (10), февр. 1998. С. 4. Блаженная Феоктиста // Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Т. 4. Тверь, 2000. С. 86–91; Лихоносова А. Она ушла к себе домой. Воспоминания о блаженной Феоктисте // Воронежский епархиальный вестник. № 1 (68). 2003. С. 72–77.

¹⁴ ГАВО. Ф. 2565. Оп. 1. Д. 16. Л. 106 об.

¹⁵ ЦАНИ. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 22562. Т. 3. Л. 126.

¹⁶ Монахини и чернички как организаторы народного противодействия церковному обновленчеству в 1930-е годы // Традиции и современность. № 4. 2005.



Иеромонах Серафим (Мякинин), монахиня Антония (Овечкина)
с послушницами

отдохну¹⁷. Но мы пока с ним порешили так, начиная с Воскресенья пред Рождеством Христовым служить вдвоем попеременно и доход какой будет делить пополам, если только никому из нас не придется пойти служить в село Старый Боршев, там вроде как предполагается в скором будущем открытие службы...»¹⁷. Но сюда был назначен другой семейный священник в 1935 г. — о. Петр Подколзин¹⁸. И власти в это время активно помогали, как следует из материалов, подготовленных обновленцами, уничтожать их противников. Нам думается, что и здесь монархический заговор — лишь надуманный повод, чтобы арестовать духовно активных монахинь и черничек, в обилии расселившихся по селам Воронежской обл.

10 февраля 1935 г. был зачитан приговор, который гласил, что Никита Михайлович Мякинин за участие в контрреволюционной группе осуждается на три года в исправительно-трудовой лагерь. Священника вместе с тремя товарищами

отправили 15 февраля 1935 г. в Караганду в распоряжение начальника управления «КАРЛАГ» НКВД.

На волю отпустили из лагеря через четыре года. Поехал батюшка в родные края в мае 1938 г. Родной брат Кирилл встретил его неласково, в родительский дом в д. Марьевке жить не пустил. В округе все храмы были закрыты. Началась тяжелая пора скитаний без жилья и возможности служить. Паспорта не было. Ненадолго останавливался у знакомых и опять уходил. Много пришлось испытать за это время, так что иногда даже стал задумываться и роптать: «Лучше бы было остаться в лагере, чем так жить на воле». И в ответ на внутренний ропот один раз увидел необыкновенный сон: «Оказался я в поле, покрытом поспевающим хлебом, рожью или пшеницей. И нужно было идти по дорожке через поле. Вижу, навстречу мне движется подвода: лошадь с повозкой и двое людей, похожих на начальников. Я сильно испугался. А один из них говорит другому: “Вот он, его надо взять туда, где был”. А другой говорит: “Нет, не надо брать, пусть он будет здесь, потому что хлеб уже поспевает, а убирать некому”. Проснулся я от сна в сильной тревоге. Это было летом 1939 года»¹⁹.

Два года о. Серафим тайно служил, переходя с места на места по Воронежской обл., останавливаясь у знакомых монахинь или надежных мирян. После ссылки о. Серафим одно время жил в Ясырках у Ирины, затем перебрался в Пады. Здесь и село было попроще, и к нему было удобнее людям из других мест приходить. Приходили к нему ночью. Службы проводились у матушек на дому.

Рассказывает Л. В. Рябинина: «Саму хозяйку дома, где жил о. Серафим, звали Ирина. Здесь пребывали монастырские матушки: схимонахиня Пахомия, как старшая, схимонахиня Мефодия и схимонахиня Ксенофонтия. Последняя звалась просто Настенька, как послушница, это впоследствии она получила имя при постриге Ксенофонтия. Батюшка благословил ее в послушницы. Схимницы Пахомия и Мефодия строгие были. Днем о. Серафим прятался в подвале, а ночью совершал службы. Пахомия с Мефодией пришли из Борисоглебского женского монасты-

¹⁷ ГАВО. Ф.2565. Оп.1. Д. 20. Л.103–104.

¹⁸ Там же. Д. 9. Л.163 об.

¹⁹ Тетрадь А. А. Казаковой.

ря. Был монастырек между г. Анной и Борисоглебском (речь, очевидно, идет о Таволжанском Казанском женском монастыре, возле с. Таволжанка — О.К.). Ксенофонтия в монашестве, в схиме Кукша, также была из Борисоглебска. Он — из простой семьи, малограмотная, но правило читала по-старославянски хорошо и выполняла монашеское правило твердо. Все они — девы. Откуда они родом, я не знаю. Вот схимонахиня Афанасия была родом с Урала, откуда-то из Челябинской обл. Туда была сослана такая раба Божья Татьяна, духовное чадо о. Серафима. Она там рассказала местным о батюшке, и учительница — Дарья Алексеевна приехала потом в Воронежскую обл., познакомилась с батюшкой, стала его духовной дочерью, потом переехала вообще сюда, купила по благословению батюшки себе дом в Падах. Две слепых монахини с ней жили в этой хатке. Позже она перебралась в Малые Ясырки, где и скончалась. В Падах жили мать Александра (схимонахиня Амвросия), матушка Поля (в схиме — Фомаида) и Ксенофонтия (в схиме Кукша) — простая-препростая монахиня. Все они были высокой жизни монахини. Амвросия была родом из Борщева, село неподалеку от Ясырок — Боршевские Пески. Ее постриг в мантию о. Митрофан, а в схиму — о. Макарий (Болотов). У матушки Амвросии в Падах была сестра, простая, мирская, хотя и в церковь ходила, а родителей ее я не знала. Схимонахиня Михаила (Сарычева) часто приезжала в Пады и в Ясырки.

У о. Серафима в основном окормлялись „девушки теперешние“, а не монастырские монахини. Но были и монастырские. Были из Сомовского монастыря (до революции Сомовский монастырь принадлежал Воронежской епархии, сейчас — это территория Курской обл. — О.К.). Но Сомовские монахини жили в Ячейке, Матреновке, в Ясырках их не было. Из Сомовского монастыря у нас были схимницы Гавриила и Димитрия (в монашестве Досифея) — хорошая регентша. Мать Димитрия на память знала шестопсалмие, часы, чуть ли не весь Псалтирь. Но была совершенно слепенькая. Добрейшая-добрейшая, стройная такая. Говорила мне, когда я вела ее под руку: „Я красовалась собой, и Господь отнял у меня зрение“. Она была уставщицей в Сомовском монастыре. Пела третьим голосом²⁰. Мы видим, что о. Серафим нашел приют и возможность тайно служить после ссылки именно в монашеской среде, благо, что плотность монашеского расселения в Воронежской области была высокой.

Когда началась война, передвигаться о. Серафиму по селам без документов стало опасно. Об этом времени батюшка так написал в дневнике: «В июле месяце 1941 г. я и две моих спутницы пошли навестить старую монахиню Ф. и ее сожительниц. Погостили у них несколько дней, а потом отправились обратно, зашли по дороге к знакомым и остались на ночлег. Уже началась война. Я всю ночь размышлял: „Как быть дальше, что делать?“ И что же? В сонном видении вижу на воздухе надпись „Обитай в тайне!“ Решил уйти в затвор. Приютила одна женщина в селе Курлаки, что неподалеку от села Ясырки, мать Акилина, жившая одна в своем маленьком сельском доме, крытом соломой». У нее в доме о. Серафим проводил безвыходно все время или на чердаке, или в подполе — в яме, вырытой в комнате под полом. «Занимала и утешала одна молитва. Много молился за себя, за родных и близких, много молился за мир». Однажды мать Акилина случайно увидела, как о. Серафим молится. Он молился со слезами и клал бесчисленные поклоны. Она начала считать их, досчитала до двух тысяч, но сама утомилась и заснула. На праздники батюшка всегда совершал Литургию в самом доме. Тщательно занавешивались окна, хозяйка ходила вокруг дома, чтобы предотвратить приход неожиданных гостей, а о. Митрофан вместе с приглашенными духовными детьми молился за Литургией. Посещали это место только самые близкие духовные чада. Приходили всегда ночью, чтобы никто не заметил.

Одна из приезжавших в ту пору к о. Серафиму — Наталья из Воронежа, — рассказала, как она поехала к батюшке на Пасху. Везла с собой, учитывая, что время тяжелое, голодное, пуд пшена. Дорогой были искушения. Милиционеры не раз спрашивали: «Куда едете и что везете?». Документы не раз проверяли. Она же всю дорогу молилась, и молчала, и все, слава Богу, обошлось. Приехала она, а у о. Серафима гости — другие духовные чада. Всего собралось их пять человек тогда. Хатенка маленькая, но тесноты не ощущали. Окна завесили черной материей и начали пасхальную службу. Зажгли свечи и лампы, вместо паникадила была люстра, с катушками из-под ниток для свечей. Монахине Акилине — хозяйке дома — пришлось дежурить и молиться на улице, и зорко смотреть по сторонам. По словам Натальи, «служба была необыкновенная, казалось, и потолка будто не было, и батюшка, и мы точно на воздухе парили. Радость переполня-

²⁰ Экспедиция 2002 г. Архив автора.

ла сердце так, что и передать это словами невозможно. Казалось, что собралась на службу тьма народа, и так хорошо, так хорошо! Батюшка даже проповедь сказал».

В подполе у батюшки Серафима была чудотворная икона Божьей Матери, с ней было связано много чудесных событий в жизни о. Серафима.

Через некоторое время мать Акилина — хозяйка дома в с. Курлаки, где жил батюшка, стала с ним ссориться, и ему пришлось перебраться в другое село — в Большие Ясырки — к матушке Ирине.

Мать Алексия (Агриппина Золотухина) из с. Курбатова рассказала, как она посетила батюшку, когда он был в затворе. «Пришли к нему мы однажды втроем. Батюшка начал с нами беседовать, и вдруг увидели идущего к дому милиционера, видимо, кто-то донес о гостях. Батюшка быстро спустился в подпол, а мы застелили постель и легли на полу. Милиционер проверил документы, спросил: „Зачем приехали сюда“? Мы ответили, что провести родственницу. Он ничего не ответил, спрашивать больше не стал, ушел. Утром батюшка говорит мне: „Гриппа, когда милиционер ушел, я подошел к иконе Божьей Матери и стал благодарить Матерь Божию за заступничество. А Она голосом говорит: „Отец Серафим, Я всегда с тобой“».

Монахине Агриппине (Золотухиной) о. Серафим рассказывал о многих откровениях, которыми Господь и Божья Матерь его удостаивали. Она запомнила только некоторые из них. Было такое видение: «Батюшка Серафим видел, как Господа распинали на Голгофе. Видел ясно гвозди, молот, которым их забивали, ясно слышал удары, видел людей вокруг стоящих»²¹.

Но пришло время оставить затвор. За о. Серафима много молились матушка Серафима (Белоусова), старица из Мичуринска, и отец Иоанн из с. Спасова, тоже старец высокой духовной жизни. По их молитвам Господь послал батюшке добрых верующих людей — Параскеву и Гавриила из Воронежа²². Они прописали батюшку к себе в город на квартиру, и с их помощью он поступил работать в пункт переливания крови конюхом. Заведовал пунктом Николай Александрович Овчинников, хирург, человек глубоко верующий, знакомый со схимонахиней Серафимой из Мичуринска, которая также замол-

вила за батюшку слово. Так отец Серафим стал жить легально, получил документы, ночевал при больнице. Со временем Николай Александрович сделался духовным чадом о. Серафима, но для посторонних они оставались как начальник и подчиненный. Однажды о. Серафиму необходимо было встретить одну свою духовную дочь в храме, и он на некоторое время отлучился от работы, но его стали искать. Когда он вернулся, то пришлось ему сказать, что за хлебом в очереди простоял. Н. А. Овчинников при всех отчитал подчиненного за долгое отсутствие, а вечером, наедине, просил прощения за то, что пришлось это делать. Н. А. Овчинников не только пользовался духовными советами о. Серафима, но, будучи хирургом, ни одну операцию не начинал без его благословения. Сам Николай Александрович всегда перед операцией акафист вычитывал.

К батюшке в Воронеж кроме матушки Серафимы Мичуринской приезжала прозорливая монахиня Михаила (Сарычева), останавливаясь также на квартире Н. А. Овчинникова, и о. Серафим тайно тогда приходил сюда вечером. Постепенно духовные чада батюшки из многих сел и деревень Воронежской обл. стали навещать его и в Воронеже, хотя найти его поначалу было совсем не просто в большом городе.

Через Николая Александровича об о. Серафиме узнал Воронежский владыка Иосиф (Орехов) и дал ему приход в селе Хохлы. Так произошла и церковная легализация. А ведь для многих священников-катакомбников сделать это легально было очень сложно и даже невозможно — советская власть такого шанса им не давала.

Отец Серафим так описал в письме Паше и Гаврюше свой приезд в с. Хохлы: «Встретили меня прихожане хорошо, дали одну комнату, но просторную, меня уже ждали. Я — сыт». В Хохлах батюшка прослужил недолго, после чего его перевели в с. Ячейка Эртильского р-на настоятелем храма Архангела Михаила²³. В Ячейке батюшка прослужил десять лет, до 1961 г. Редкий случай для той поры, когда духовенство волею областного уполномоченного по делам религий постоянно перебрасывали с места на место. Здесь сформировался его молитвенными и подвижническими трудами особый приход из местных жителей и большого числа прибывавших сюда паломников из нескольких ближайших областей.

²¹ Тетрадь А. А. Казаковой.

²² Сохранились письма батюшки к «Паше и Гаврюше», как он их называл. В письмах он сердечно благодарит их за помощь и самоотверженность: «Вас из-за меня вызывали в милицию, и вы много скорбей приняли, но до конца оказались преданными».

²³ Церковь была открыта в декабре 1945 г. Основана в 1900 г.



Игумен Митрофан (Мякинин), игумен Власий (Болотов), схимонахиня Михаила (Сарычева)

В с. Битюг-Матреновке и деревне Гнилуша, в непосредственной близости от Ячейки жили «старинные» монахини: «матушки Марфуша, Луша и Даша»²⁴. Они все схиму приняли от о. Серафима, ходили по-монашески в апостольниках. К ним народ обращался, но они все более пребывали в храме, а на родительские дни были с людьми на кладбище. Когда батюшки не было, они дома вели службы, и к ним собирались люди. Они при ячейской и ясырской церквях окормлялись (т.е. сначала у о. Митрофана, а потом — у протоиерея Василия Золотухина в с. Ясырки Воронежской обл.). Ходили, читали по покойникам, жили отдельно по своим кельям, со своими послушниками. Об одной из них вспоминает А. А. Казакова: «Матушка Димитрия из деревни Гнилуша очень хорошо пела и читала, она монастырская матушка была, очень красивая внешне. Службу знала почти наизусть. Ей батюшка сказал заранее, что в 40 лет она ослепнет и до смерти слепая будет. Действительно она до смерти читала в церкви

наизусть шестопсалмие. Я посетила ее года за два до смерти с Анастасий Петинной. Жила матушка в холодной, сырой, с заплесневелыми стенами комнате. Даже иконы почернели и покрылись плесенью. Хозяйка, у которой она жила, была не совсем нормальной, печку редко топила, часто оставляла матушку голодной. Уйдет, обычно на три дня и не появляется, а матушка сидит на кровати, на ней черный подрясник. На ногах шерстяные носки, на голове черный платок шерстяной, который она закалывала впереди булавкой. В руках держала большие четки и была такая радостная, так приветливо нас встретила. Гостинцы ей принесли, она немного покушала и сказала: „Положите под подушку, а то хозяйка ничего не дает есть“. К матушке приходили соседи. Она с ними пела, читала и все наизусть. Соседи помогали ей, меняли белье на постели, поэтому сама матушка выглядела чисто и постель была чистая. Мне говорит: „Саша я всех твоих родных поминаю, дедушку Савелия и Александру, а также праде-

²⁴ Имена в данном случае у матушек мирские, хотя их продолжают называть матушками, как монахинь. Л. В. Рябинина. Экспедиция 2000 г. Архив автора.

душку схимника Иоакима, ведь он у вас в затворе на Афоне умер“. Матушку приглашают некоторые местные женщины жить к себе, но она отказывается, говорит: „Мне и тут хорошо“²⁵.

О них же вспоминает местная жительница А. Ф. Наумова: «Были у нас в селе и монахини. Матушка Марфуша, м. Луша (она с 1890 г.), м. Даша. Старинные они были, жили когда-то в монастырях. В Гнилуше у нас в деревне — две. Они тоже ходили, читали по покойникам. Жили они отдельно, свои кельи имели, там были и послушницы. Послушницей была Катя — моя знакомая, она псаломщицей в церкви работала. Они при Ячейской и Ясырской церквях окормлялись, а жили здесь. Они все схиму приняли, ходили по-монашески, в апостольниках. К ним народ обращался. Они все более в храме находились, но на родительские дни были с народом на кладбище. Когда батюшки не было, они дома вели службы, и к ним собирались люди. Но я не ходила в Гнилушу. У меня тетка была убогая, мама больная, я сама — больная. А другие — ходили»²⁶.

Мария Тимофеевна Дьячкова (1936 г.р.) — жительница с. Верхняя Тишанка — так рассказывала об уважаемой в их селе, ныне покойной монахине Модесте: «Я с ней встретилась еще когда и в школу не ходила. Увидела она меня, обрадовалась: „Ой, радость моя!“ Так я ей понравилась. И она мне дала (а зимой это было) три моченых яблока. И сейчас я вспоминаю и рассуждаю, что они значили эти три яблока — во имя Святой Троицы. Я стала к ней ходить. Тогда голодно было, а она или конфетку даст, или еще что-нибудь. Потом стала ставить на табуретку и говорит: „Ты будешь у нас кононаршить“. Говори: „Глас первый! Всякое дыхание да хвалит имя Господа“. Ты выучишь „помилуй мя Боже“, я тебе иконочку дам“. Я выучила эту молитву. С матушкой жили две послушницы, помоложе. Втроем они жили. Одна из них была больненькая. Она однажды три дня замирала (обмирала). Послушницы были сиротки, две сестры. Младшую звали Дашей. А до того как они стали сиротами, Даша так молилась Богу: „Господи, если мне оставаться в миру и замуж выходить, то объяви мне это сном, пусть я что-нибудь мирское увижу. А если уйти в духовную жизнь (а она любила и храмы и молитвы), то пусть увижу во сне духовное“. После этого она обмерла на три дня. Лежала совершенно без дыхания. Сестричка по ней лазает, плачет. А когда она в себя пришла, то попросила пить и соли, все у

нее высохло. Но она не рассказала ничего из того, что видела, только повторяла: „Молись, молись, молись“. Потом она сказала, что ей было такое видение — духовное. Видит она священника во время пасхального обхода домов. Заходит он к ним в дом с такой иконочкой. Послужил в доме, и когда читал Евангелие, то положил ей на голову. С этих пор она решила идти по духовному пути и перешла жить к матушке Модесте. Жили они тем, что стегали одеяла, иконы обряжали. В доме проходила служба без священника. В этот день они закрывались с внешней стороны двери на замок, занавешивали окна, как будто дома никого нет, а сами заходили в дом со двора. Вычитывали и пели что можно без священника. И мы потом от них это взяли. Когда храм наш только открыли, и не было еще священника, то мы сами служили, вычитывали и пели что возможно. Почитаем канончик, шестопсалмие, часы, обедницу, акафист, а когда и на распев, и все получаем утешение. И копеечка от того на ремонт была, хотя и батюшки не было. А батюшка появился, ему на дорогу давали, он ведь бывал только на службе, а потом уезжал к себе.

В округе тут еще в Канищеве две матушки монастырские жили: одна Анна, а другую имя не помню. К ним много очень ходило местных. И были еще матушки в Чигле: матушки Рафаила и Магдалина. Там раньше церковь открыли.

Матушка Модеста помогла мне спасти маму от смерти. У меня родители разошлись, когда я еще в школу не ходила. Мама тяжело болела, ее привезли из больницы домой умирать. Все приходили прощаться. Я пошла к м. Модесте, очень плачу. Она меня спрашивает: „Радость моя, что ты плачешь?“ Отвечаю: „Да у нас мама умирает“. А она мне в ответ: „Радость моя, она у вас не умрет. Проси Господа и Матерь Божию. Господь никому никогда не отказывает, а детям — и вовсе“. И я в простоте сердца поверила ее словам. А я тогда еще и в школу не ходила. „Ты — молись“, — говорит она мне. — „Матушка, а как молиться?“ „Будешь читать Богородицу (я знала уже эту молитву)“. И она дала мне 33 зернышка в честь 33 лет Спасителя на земле. И поделила эти зернышки пополам. „Вот половину ты прочитаешь утром, а половину — вечером, с поклончиками. Прочитаешь Богородицу — поклон. А потом выходи на восход солнца и три поклончика положи и проси Господа, как сама знаешь“.

А что я могла знать такая маленькая? Но я

²⁵ А. А. Казакова. Экспедиция 1999 г. Архив автора.

²⁶ М. Т. Дьячкова. Экспедиция 1999 г. Архив автора.

поверила ей в простоте сердца. Дожидаюсь вечера, когда мама заснет, выбегаю и молюсь сначала в чуланчике, а потом бегу в огород, чтобы людей не было, и начинаю кричать свою молитву Богу, а сама плачу: „Пречистый Господи, ну оставь нам маму, у нас папа ушел, Мишка — мальчик, а я — загнетка не достану (Тогда ни керогазов, ничего не было, только загнеток, да печка русская). Мама умрет, тогда и сварить еду будет некому“. И милостью Божией мама начала поправляться, вставать с постели, стала выходить коровку подоить. Подоит, а провожал корову уже Миша. После этого мама жила 18 лет. Я не скажу, что здорова была, но она была с нами. И шила, и в лес с нами ходила, ну, короче — вырастила нас!».

Были несколько выдающихся монахинь, которые выделялись своей духовной опытностью и духовными дарами прозорливости, особой молитвы: схимонахиня Серафима (Булгакова) из г. Мичуринска, схимонахиня Михаила (Сарычева) и др. Они помогали о. Митрофану в деле старческого окормления.

Батюшка без матушек Серафимы, Михаила, Антонии ничего не делал, они великие старицы были, всегда советовался с ними²⁷.

Можно подумать: «Прозорливому старцу легко было руководить своими духовными детьми». Но в действительности проблем было много. Отсутствие монастыря сильно сказывалось на ситуации. Общаться со своими духовными детьми о. Серафиму приходилось только в те дни, когда они приезжали на праздники в Ячейку, поговорить и встретить торжество со своим духовником. У многих не доставало опыта веры, понимания послушания, осознания жизни в отречении от мира. Даже тех, кто был пострижен в иночество, порой приходилось упрекать и укорять за мирские повадки. Вспоминает Анна Федоровна Наумова: «Последний раз мы с ним виделись в храме в Ясырках, на память мученика Никиты, в день его Ангела. Пришли мы с Катей, накануне праздника, а он — согнулся до земли и нас благословил. Какая-то женщина подходит, он начал на нее шуметь: „Я тебя раздену (т. е. расстригу), раздену“. Она: „Батюшка, простите, простите“. Он: „Да сколько тебя можно прощать“»²⁸.

Вот другой пример, когда женщина не проявляла явного стремления быть монахиней, хотя имела к этому предрасположенность. Отца Серафима это расстраивало: «Мария, ну что ты ходишь ко мне не отроковица, не рукави-

ца!» Она замуж не выходила. А простая была девушка-колхозница. Но и в монахини не выказывала желание постричься. «Ты вот с матушками поговори», — советует ей о. Серафим, чтобы она определилась. А та: «Батюшка я не знаю о чем говорить». Но пошла все же говорить, и потом определилась и была пострижена в монашество с именем София.

Он с мирскими так общался: даст какое-нибудь послушание, а сам наблюдает за этим человеком. Реже было так, что человек горел желанием монашества, и к таким людям о. Серафим был особенно чуток, молился о них, испрашивая волю Божью, советовался со старицами. Характерен пример жизни монахини Поликсении (Шитовой). Она узнала о своем предназначении быть монахиней от прозорливой старицы. Вот как это было.

«Я была маленькой еще девчоночкой, с детства хроменькая, больная. Ко мне пришла бабушка одна — Дарья: „пойдем со мной к матушке Серафиме в Кужновку (она прозорливая была)“. „Ну, — говорю, — пойдем“. А Кужновка от нашей деревни Шмаровки была километрах в 30-ти. Я к Божьему с детства отцом-матерью была научена. Пришли к матушке Серафиме, она с нами так говорит, говорит и начала рассказывать, как она была в монастыре в Воронеже, игуменьей, как жила, как немец их выгнал и она пошла пешком на Орел, жила в Орле, с Орла пришла сюда. „Тут, — говорит она нам, — у меня был двухэтажный дом“. Там уж канцелярия немецкая. Я глянула на дом, перекрестилась и сказала: „Господи, Господь дае, Господь — отъя“. И вот она сюда пришла в Кужновку и жила у сестры. К ней все ходили, она прозорливая была. И она мне говорит тогда: „Деточка, тебя Троица Святая благословляет в Ячейку, к отцу Серафиму. Он прозорливый с семи лет. Ему было семь лет, и он с мать-крестной (мать-крестная была монахиня Гудуила (Игудуиила?). Они стерегли подсолнушки, и Никита говорит: „Мама-крестная, я буду батюшкой, а мне будет весь мир поклоняться“. Взял подсолнушек, сорвал, и стал как будто кадилом кадить. А все подсолнушки как были на поле, все до земли поклонились. Я ей отвечаю: „Матушка, да я не знаю, где это и что“. Что я была тогда глупой ребенок, было мне годов 16–17. Но я тогда в первый раз этому ее слову не вняла, забылось оно как-то. Потом, когда мы пришли в другой раз, она еще рассказывает про батюшку: „Вот он так жил, а теперь в Ячейке“. Она мне много гово-

²⁷ Фурсова М. Г. Запись 1998 г. Архив автора.

²⁸ Экспедиция 1999 г. Архив автора.



Игумен Серафим (Мякинин), монах Иоасаф (Моисеев)

рила про жизнь, все приказывала: „Храни себя как зеницу ока, чтоб прийти нам к Господу не с бесстыжими лицами, а христовыми девицами“. Потом уже провожает домой, водички налила, и мы пошли домой, отошли от ее дома и вдруг видим, матушка спешит за нами. А я уж и забыла что она сказала про Ячейку. „Деточка, вернись“. А я еще не понимала, как брать благословение, она сама мне ручки сложила, перекрестила меня и повторила: „Деточка, тебя Господь благословляет к отцу Серафиму в Ячейку, Троица Святая благословляет тебя“. Тогда уж я вложила себе в голову: „Троица Святая благословляет“. Ходили мы к матушке после Троицы, а Петровским постом мы с одной пожилой женщиной собрались в Ячейку, (она Божия была) в Ячейку.

Доехали поездом до Эртиля, а оттуда пешком верст 15, пришли, сели возле храма, у алтаря, а храм был заперт. Глядим, батюшка идет, в подрыснике, шляпа на нем. Подходит к нам: „А, гости к нам приехали“. А он старушку мою знал.

Благословение мы взяли. Он ей: „Ну, молодцом, молодцом“. Тогда он от нас отошел и встал возле трех больших груш, росших тут же и с час, наверное, стоял, поднимал голову. Может быть, Господь открывал ему что-то о нас грешных. Потом, говорит: „Ну, пойдемте в храм“. Открыл храм, мы зашли. А тогда ведь все было грозно, нельзя было без службы держать храм открытым. В храме дедушка Михаил писал Распятие. Мы приложились к иконочкам, внутри было все плохо, ничего не было, все — разрушено. Закрыв нас батюшка в храме, пока мы прикладывались к иконам, а сам пошел к себе на квартиру, где жил. Приходит оттуда с двумя матушками, Серафимой и Паисией и начал служить всенощную. Отслужил, потом взял ведро воды, я стояла возле Скорбящей Божьей Матери, и начал служить молебен»²⁹.

Опираясь на горячо верующих духовных чад, о. Серафим подбирал несколько человек для духовного и дружеского общения так, чтобы духовно сильные воспитывали более слабых. Это называлось «соединять». Вот как рассказывает об этом монахиня Поликсения (Шитова): «Первый раз, когда я к нему пришла, там была такая девушка Рая. Она: „Батюшка, благословите на поезде приехать“. Но о. Серафим велел идти пешком. Пока мы шли, мать Раи много рассказывала об о. Серафиме. (А вообще к о. Серафиму Александру Иванову благословила пойти матушка Серафима из Кужновки, бывшая ранее игуменьей в Воронежском женском монастыре) Так мы дорогой и познакомились между собой. Таисия и Рая убирали иконы. Я говорю: „Ой, Рая как мне хочется старинную икону убрать, у меня иконы все старые, но не убраны“. Раиса и Таисия были в Почаеве впервые, перед тем как батюшке к нам в Мордово первый раз приехать. Они привезли из Почаева батюшке в подарок из Почаева образ Троицы и еще одну икону — Матерь Божию Страстную. Я говорю им, что готова рубашку последнюю отдать, только бы иметь эту икону в убранном виде. Они согласились: «Если батюшка тебе отдаст ее, то мы уберем и передадим ее тебе». Они знали, где я живу. Пока я ждала, молилась постоянно: „Матерь Божия, вразуми ты батюшку передать мне икону Страстную“. На заговенье Успенского поста мне принесли эту икону, уже убранную. Когда мать Мария принесла, я до 3-х часов сидела, не могла насмотреться на эту Матерь Божию, так я была рада. И всю ночь мы проговорили с мать Марией о старцах

²⁹ Архив автора. Запись 2006 г.

и старицах. А утром я ее проводила. С той поры стала ко мне Раиса постоянно приходить, и мы с ней подружились духовно, до самой ее смерти были близки. Она меня научила иконы убирать»³⁰. А. А. Казакова подтвердила, что и перед кончиной батюшка упомянул о сестринском «единении», когда я спросила его, как жить: «Я вас связал, а теперь вы живите».

Все, кто с юных лет воспитывался у о. Серафима, отмечают, что было разграничение полномочий старца и стариц — Михаила и Серафимы часто приезжавших в Ячейку³¹. «Матушка Михаила и отец Серафим вместе нас воспитывали и были нам как отец и мать. Батюшка, бывало, чуть зашумит на нас, а матушка утешит. „Матушка, нам батюшка вот то-то и то-то сказал. Ну что ж он сказал, ничего он сейчас не скажет“. Но он был желанный, он зря не шумел. После матушки подойдешь к нему, скажешь, что матушка благословила, он еще больше напустится, нарочно испытывал нас. „Вот разладились причащаться“»³².

Как рассказала нам Мария Тимофеевна Дычкова — ныне монахиня на приходе в с. Тишанка, а тогда просто верующая девушка, она слышала от самих матушек следующее: «Был такой разговор на моей памяти. Приехала к нам одна женщина, у нее было трое детей, а муж погиб на войне. Мы сидим, разговариваем с матушками да с батюшками, а эта женщина сидит, рассуждает вслух сама с собой: „Девчатам хорошо, они с батюшками да с матушками рассуждают о духовной жизни, а я не баба и не девка. Вышла замуж, нарожала детей, а мужа нет. Ни туда и ни сюда“. Тогда матушка Серафима говорит матушке Михаиле: „Матушка, давай с тобой знаешь что делать? Матушка, ты — девственница, ты набирай себе любых молоденьких овечек, а я баба, я буду брать себе овечек с ягнятами. Наберем, да погоним в Христово стадо Господу“»³³.

Сестры Фурсовы³⁴, ныне проживающие в Мордово, так вспоминают об отце Серафиме. «Нам он говорил, чтобы правила не пропускали, не оставляли Иисусовой молитвы. Мы еще жили в среде монастырских монахинь, они молились невозможно как, сейчас так уже не молятся. Сестры вспоминали много случаев, где проявлялась духовная прозорливость о. Серафима, его пастырская мудрость, где речь шла о главном для монахини — послушании старцу. «Батюшка нас очень строго вел. В Великий пост мы только один раз в день ели. Правило вычитывали, утром встанем, благословение у него возьмем. Если много дел и забот, дорогой обязательно читай Иисусову молитву. Без молитвы из дому не выходи, идешь куда — читай Иисусову молитву. Не всем давал благословение читать Библию целиком, а лишь тем, кто мог понять».

Батюшка говорил обо всех сторонах жизни: как жить, как вдовам жить, как детей учить, воспитывать. Мирским женщинам говорил: нужно Псалтирь читать, Евангелие главу, молитву утреннюю и вечернюю. Молитвословы тогда люди переписывали друг у друга. В храме всегда вычитывалось правило каждый день. В простые дни батюшка служил только под воскресенье всенощную, а в посты — каждый день. О благословении говорил, что не он благословляет, а — Христос. Кто к нему ходил, все знали, что ничего нельзя делать без его благословения. Спал он мало, постоянно у него шла Иисусова молитва. Лежит и молится. Я много раз ходила с ним по домам, по требам. У него сумка такая была кирзовая. Пойдем кого-то причащать или соборовать (а в сумке всегда лежали чеснок или лук). И если у кого-то предстоят скорби, он обязательно оставит чеснок. Те не берут, а он: „Берите, надо, надо“.

В сапогах у него были набиты деревянные гвозди, такими в прежнее время подбивали сапо-

³⁰ Экспедиция 2004 г. Архив автора.

³¹ В Никольском Чамлыке, ныне Липецкой обл., жила старица-монахиня Михаила (Сарычева) — правая рука о. Серафима в деле духовного окормления всех близких ему монахинь. Чаше всего она сама приезжала в Ячейку за какое-то время до больших праздников и находилась в приходе по месяцу и более. В г. Грязи (в сельце Таволжанке — предместье города) проживал другой сокровенно близкий о. Серафиму человек — оптинский монах Иоасаф (Моисеев), также помогавший окормлять монашескую часть духовных чад. Еще чуть далее — в г. Мичуринске (Козлове) жила еще одна выдающаяся подвижница, тесно связанная с Ячейкой, — схимонахиня Серафима (Белоусова) — постриженица оптинских старцев — прп. Анатолия (Потапова) и Нектария.

³² Экспедиция 2004 г. Архив автора.

³³ Полевые исследования в Воронежской обл. 2002 г. архив автора.

³⁴ Мария Григорьевна Фурсова (1928 г. р.); Ефросинья Григорьевна Фурсова (1919 г. р.). С ними живет в Мордово в одном доме Фрыкина Анна Сергеевна (1939 г. р.). Все они монахини, сестры пострижены о. Серафимом, потом были близки о. Виталию. «Родились и жили в Старом Эртили, в пос. Троицком, там было 40 дворов. Сюда приходили и матушка Михаила, и о. Серафим. Батюшка причащал людей. Батюшка убирал Ефросинью (старшую сестру), постригал ее. Узнала я об о. Серафиме от той матушки, у которой жила одно время — Антонии (?). А батюшка в это время жил в Ясырках, потом в Падах. Туда и возили мою матушку на тачке. Каждый год ее к батюшке возили. В 1960-м году купили мы дом».

ги. Один раз пришел он к нам, а ноги были мокрые, и я взялась помыть их, а ему не сказала. Вообще-то мы не касались его вещей никогда, у нас одна матушка старенькая за ним ухаживала. А я взяла самовольно сапоги, сунула руку, а там — гвозди торчат. „Ой, — говорю батюшка, как вы ходите?“ А он: „Это тебе так показалось, что гвозди, ничего там нет“³⁵.

«Когда я в первый раз увидела батюшку (о. Серафима), он сказал: „Будешь скоро наша“. Когда сестра Мария первый раз пришла на исповедь, батюшка ее исповедал, а после службы вынес из алтаря покровцы и сказал: „Тебя возьмем, и будешь ты такие же вышивать, шить облачения, воздушы“. Батюшка в нашу деревню приезжал, соборовал там людей»³⁶.

Старец, каким и был о. Серафим, провидит будущее человека и призывает на духовное поприще тогда, когда человек еще и не думает о таких переменах. Старец видел духовным зрением в этих людях то, что было скрыто от других: насколько человек духовно зрел, насколько человек искренне и глубоко тянется к Богу, ищет Его. Именно через такое внутреннее сердечное вопрошание была услышана в юном возрасте Мария Николаевна (потом монахиня Иоасафа). Вот ее рассказ: «Мы к о. Серафиму ездили в Ячейку из Обороны по пять человек на память преподобного Серафима Саровского, летом и зимой. Я приехала, когда в первый раз, встала возле храма, а он — маленький, деревянный, неказистый, не то что у нас в Обороне Михаила Архангела тоже. Стою и кричу: „Господи и чего я здесь ищу, зачем сюда приехала?“ А вскоре и батюшка Серафим пришел, прошел мимо меня и рясой как-то сердито меня задел. Когда было елеопомазание, то он тоже как-то строго на меня смотрел, как сказали подруги мне потом. А после Литургии, когда мы все уезжали и он давал целовать крест и давал каждому отъезжающему просфору, то мне и просфоры не дал, и крест как-то плотно к губам придвинул и говорит: „Ты, приезжай“. Я пачусь и шепчу: „Приеду“. Так мне обидно было, что мне просфоры не дал, значит, я грешнее всех. И сестры-подруги все заметили, что мне батюшка не дал просфоры. В следующий раз, когда я приехала, он опять не дал мне просфоры, и в третий, и в четвертый не дал. И я тогда вспомнила рассказ о преподобном Серафиме Саровском. Пришел к нему пустынник, который 20 лет подвизался в одиночестве в пустыне. А батюшка молится и

не выходит, день, два не выходит, а пустынник терпеливо ждет. Потом вышел, благословил, а после уже кто-то спросил старца Серафима: „Батюшка, за какой-такой грех вы не благословляли пустынножителя?“ „Я проверял, — ответил преподобный, — сколько он набрался за 20 лет терпения и смирения“. И вот я сказала себе: „Пусть теперь батюшка Серафим никогда не даст мне просфоры, я все равно буду каждый раз приезжать“. И вот в пятый мой приезд батюшка дал мне просфору и не одну, а — четыре: три спекшихся и к ним еще одну отдельно.

Я слышала, как о. Серафим говорил одной женщине, у которой было пятеро детей, а с мужем она разошлась из-за того, что она была верующей, он ее бросил. Сам он был партийный. Батюшка посоветовал ей молиться по ночам и тогда, сказал он, и сойдется, и повенчаются. Так оно и случилось». Но не сразу у самой Марии склонилось сердечная мысль к монашеству, она проверяла себя, даже тогда, когда духовный отец уже благословил готовиться к постригу.

«Мне духовник о. Серафим долго говорил о постриге, а я не хотела, боялась, что не понесу правила и т. д. А потом как-то поехала в лавру посмотреть на монахов. Посмотрела на лица их, не из соблазна, конечно, а на красоту и сказала себе: „Такие красивые, молодые и пошли в монахи“. И что-то растаяло в моем сердце. Пошла в храм, встала перед алтарем, перед Царскими вратами и говорю: „Господи, Боже, Матерь Божия дайте только дожить и добраться домой, обязательно дам согласие на постриг“. Говорю, а сама слезами обливаюсь и так сладко в груди. И если бы не дала оброку этого, не стала бы и потом искать пострига. И не знала, что уже дома мне шьют облачение. Приехала к себе, а меня уже ждут на пострижение. Так духовник решил — о. Серафим (Мякинин). Я про себя думала: „Ответ на мою молитву придет через месяц, не раньше, а тут — на следующий день“.

До шести лет я вообще не могла ходить и горячо молилась Богу, дала обет — вести монашеский образ жизни: не ходить на гулянья и развлечения. Горячо молилась и получила исцеление». Когда родители узнали (у них было шестеро детей, четверо умерли, двое — пошли в монахи), что дочь постригли в инокини, они несказанно обрадовались. «Папа повернулся к красному углу: „Слава тебе Господи!“», С отцом Серафимом стал сближаться и брат Марии.

³⁵ Экспедиция 1999 г. Архив автора.

³⁶ Там же.



Храм Архангела Михаила в с. Ячейка. Воронежская обл. 2001 г.

«Мой брат, когда стал учиться в школе шофером, так как любил очень технику, отец наш сказал, чтобы тот не обольщался насчет легкой жизни шофера. „Ты не смотри, что руки в брюки, а смотри, что он зимой под машиной лежит. Иди, съезди к о. Серафиму, если благословит быть шофером, то — иди, учись“. Поехали мы с братом на велосипеде в Ячейку. Отец Серафим: „Шофером?“ А сам голову и взгляд вниз-вверх, смотрит туда-сюда. А потом говорит: „Да ты потом родителей проклянешь за своё шаферство. Ты кончай школу. (Это он ответил ему на слова брата, которые тот говорил мне дорогой: (Если батюшка не благословит мне быть шофером, то пойду опять в школу). Кончишь школу, а твое от тебя не убежит“. И действительно не ушло. Брат в армии попал в танкисты и навозился с техникой досыта. А когда уходил в армию, о. Серафим нам говорит: „Он с армии к вам не вернется“. И действительно, в армии брат много молился, а пришел сразу — в храм, встал справа, а батюшка идет, кадит, подошел к брату: „Ты что здесь делаешь? Не твое здесь место, иди в алтарь“. И тот пошел в алтарь. В алтаре батюшка и причащал его. А брат еще не был священником, только из армии пришел. Мы поняли, что он будет священником. О. Серафим его готовил. Три раза

приезжал к нам домой. Брат уже работал в колхозе после армии. О. Серафим говорит ему: „Я к тебе приеду“. Брат: „Батюшка меня постоянно дома не бывает“. „А я приеду, когда ты будешь дома“. „А как вы отгадаете?“ „Это мое дело“. И вот приезжает раз о. Серафим к нам в дом с послушницей (потом схимонахиней Уриилой). А брат незадолго до его приезда появился дома, потому что его вдруг очень потянуло сюда, так что он испугался, не случилось ли чего. Пришел, а потом побежал в гости к дяде, и отцу пришлось за ним бежать, когда в доме появился о. Серафим. Прибежал брат к батюшке и повалился в ноги под благословение. И так три раза приезжал к нам батюшка ради брата и три раза с ним беседовал. И тот настроился на монашество. Перед смертью батюшка ему так сказал: „Скоро мы с тобой полетим на самолете“. И вот батюшка умирает, душа его отлетела, а брат в это время летел в лавру в Москву на учебу»³⁷.

«Когда брат уезжал в лавру учиться, то родители ему сказали: „Если захочешь жениться, то, как-то условно в письме напиши, а если постригаться, то — „свершилось“. Брат прислал письмо, а в нем — „свершилось“. Отец наш был на седьмом небе. До того я была прозорливой у схимонахини Михаила. Она ходила в храм в Обороне.

³⁷ Запись 2001 г. Архив автора.

Меня познакомила с ней сестра. Я спросила ее о брате. Она мне сказала „о 2-х цветках, которые у нас распускаются“, из чего я поняла, что брат не женится и тоже станет монахом»³⁸.

В кругу духовных чад, опекаемых игуменом Серафимом, была группа лиц, традиционно относящихся в русской деревне к категории черничек: это были девушки, не вышедшие замуж по причине физического увечья. Нам удалось опросить несколько таких человек, а о других монахинях записать рассказы. До революции эти девушки так и остались бы обычными сельскими черничками — чтицами Псалтири, но сложившиеся в советское время чрезвычайные обстоятельства для религиозной жизни и встреча с таким духовником, как игумен Серафим, сделали из этих черничек монахинь. Жизнь их приобрела подвижнический характер: из-за выполнения уставных монашеских норм, из-за того, что они всю свою жизнь посвятили служению другим ради Христа, из-за высокого примера для односельчан — быть монахиней в условиях тяжкого физического недуга. Вот рассказ слепой сельской монахини — жительницы с. Битюг-Матреновка, что неподалеку от Ячейки, постриженной о. Серафимом³⁹.

На наш вопрос: «ходили ли ваши сельские к о. Серафиму, чтоб стать духовными чадами?», — Анна Федоровна замахала рукой: «Да что ты, какие духовные чада? Тесно было, он боится сказать чего лишнего, потому и загнали понапрасну. Он мне говорил: „Ты бы замуж вышла, у тебя бы муж хромой был, ты бы родила двух детей, потом он бы тебя бросил. Но тебя Господь оставил, живи так“. Я говорю: „Ну, батюшка спаси Господи, прошу святых молитв“. Он мне четки давал, просвирочки, икону, чтоб молилась Иисусовой молитвой Матери Божией. Три раза войду на эти шишечки „Отчу“, еще три раза — Матерь Божию вспоминаю: „Пресвятая Богородица, спаси мя“ (3 раза). А всего на четках 300 узелочков. Три раза нужно пройти и будет 300-сотница. Нечего мне делать, не вижу ничего, как мне трудно»⁴⁰ (заплакала).

«Стою я однажды в церкви, где свечечки продают, а батюшка Серафим подходит и прямо с канона: „На, Анна, тебе прянички“. Думаю про себя: „Это к какой-нибудь печали“. А тут, правда,

пряма на родительскую его забрали. Какую на него ложь наказали, избавь Господь. А он говорил: „Если меня еще уберут..., я не выдержу“. И так его послали куда-то за Воронеж. А сам на праздник уже не мог служить от немощи, о. Василий служил. Только к кресту подошел и встал рядом. „Вот-вот упадет“, — думаю. О. Власий хотел ему помочь, заменит его, но батюшка благословил нас крестом и говорит: „Прощайте и простите, я отойду скоро в будущую жизнь“. Прихожу сюда к матушке Митрофании — она тоже пророк, она рассказала мне батюшкин сон. Ему приснился отец его, который сказал: „Никита (мирское имя о. Серафима), ты скоро ко мне придешь“»⁴¹.

Анна Федоровна всю свою жизнь связывает с жизнью духовного отца и хотя она по сельскому порядку малограмотный простой человек, но очень духовный, правильно понимающий кто такой духовный отец, что такое церковная жизнь, монашеский устав, Иисусова молитва. Со слезами рассказала она о посещении могилы своего духовного отца. «Я обрекалась пойти к нему на могилку. Он ведь говорил: „Приходите ко мне на могилку, просите святых молитв, берите травку, я вас буду исцелять“. И вот в Эртиле болела какая-то девочка — проказой все тело занесло. Она земельки взяла с могилки, искупалась и все прошло. Я сама пошла к нему на могилку с нашими сельскими, а ноги нейдут — конец жизни. Пришли мы. Они поголосили. Я села в головы. „Батюшка прошу ваших святых молитв, помолитесь у Господа обо мне“. Сорвала цветочек, взяла земельки. Мы там порядочно посидели, пока автобус не пришел. Оттуда шла, как будто все и не болело»⁴².

Со слов Анны Федоровны о. Серафим духовно опекал всю их семью, с ним советовались и мама, отец и бабушка. «Он бабаку просвещал тоже: „Ну, мать скоро ты отойдешь в будущую жизнь, помолись там обо мне. Батюшка, я много с детьми нагрешила, с мужем тоже“. — „Ну, ты молись за меня, — говорит он ей, — а я — за тебя. Мы будем друг друга слышать“. У меня папа ходил читать Псалтирь по мертвым. Он любил читать, до 11 часов ночи читал да еще вслух. Откровение из Евангелия читает и читает. Читает Живые помощи и окрещает все кругом. Говорит: „Ты только надейся на Господа Бога, молись, окрещай, так с Господом будешь“. У меня отец грамотный был, он

³⁸ Там же.

³⁹ Анна Федоровна Наумова 1925 г. р., жительница д. Матреновки Эртильского р-на. Экспедиция 1999 г. Архив автора.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.



Крестный ход с чудотворным образом Матери Божьей Иверской. 1960-е годы.

4 класса кончил, две войны прошел. А ему где-то в армии дали Евангелие. Были и жития святых. Все разошлось потом по своим сельским.

Отец читал ежедневно по семь кафизм Псалтири, по благословию о. Серафима. Если пропускал, когда уезжал, то после приезда все вычитывал. Мне говорил: „Читай и молись“. Батюшка о. Серафим те давал строгих норм столько-то глав в Евангелии, и вычитать, как сами хотели.

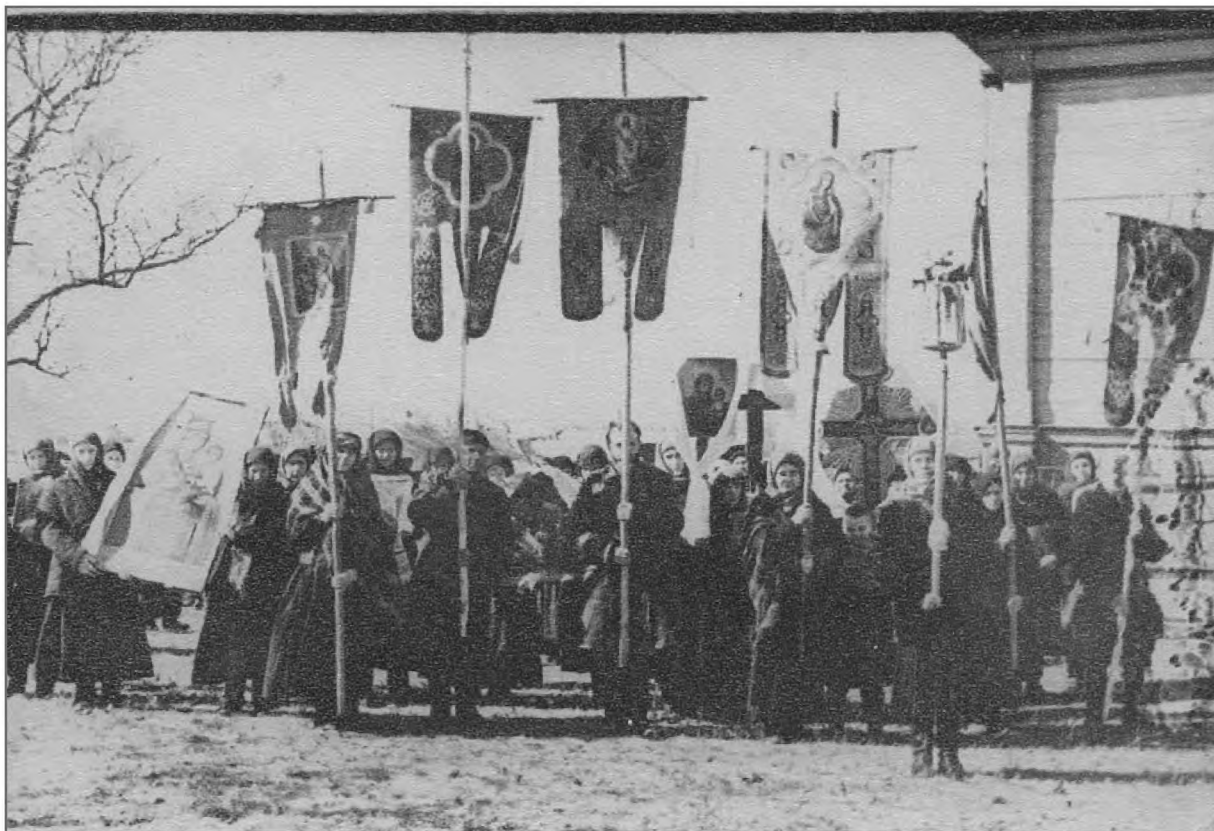
Я спрашивала отца перед смертью, какой костюм ему одеть на смерть, а он: „Как бы к Господу Богу не явиться нагими“. Если Господь не оденет, никто не оденет. Тут хоть золотую одень, а если твоя одежда — ненадежа, то какую не надевай, все одно она будет не годна».

Многие сельчане отмечали, что о. Серафим научил их и их родителей понимать, что такое духовный отец, что такое священническое благословение. Л. В. Рябинина вспоминает свое детство. «Мои папа и мама (жители села Михайловка — родины о. Серафима. — О. К.)

поначалу не понимали, кто такой духовный отец. Они смотрели, как матушки ведут себя монастырские. И нам, детям, этого нельзя было не заметить. Мама у нас умница была, а матушки как что, так: „Батюшка, благослови“. И мы сначала не знали, что духовный отец обязательно нужен и необходимо духовное руководство. А слышим от матушек: „Надо у батюшки спросить, надо благословение взять; батюшка благословите причаститься“. Я подхожу и тоже спрашиваю. А другие дети причащались и не брали на это благословение. И я даже на учебу стала брать благословение. Когда узнали, что такое духовный отец, то к нему прилепились. Это произошло через о. Серафима»⁴³.

Особым вниманием о. Серафима пользовались вдовы и сироты. Он опекал такие семьи, и если было желание у людей, то постригал их в монашество. Но это происходило не всегда. Со слов жительницы с. Никольского, того места, где старец служил после изгнания его из Ячейки уполномоченным, «имел он много духовных чад.

⁴³ Экспедиция 2002 г. Архив автора.



Крестный ход, 1960-е годы

От нас, километрах в двадцати, есть деревушка. Там девушка жила, сирота. Познакомилась с ним и стала к нам в церковь ходить в Никольское. Наши стали ее принимать. Ей тогда 20 лет было. А свои — домашние — тетка, сестра двоюродная — издевались над ней. Наши родители жалели ее. Она подолгу жила у нас. При о. Серафиме она уже жила и ни в чем не нуждалась. С о. Серафимом была монахиня Пелагея. Эта сиротка няня Машутка сошлась с Пелагеей и о. Серафим постриг ее в монашество. А сейчас она — схимонахиня Ефросинья. Потом матушки Пелагея и Ефросинья жили в Вознесеновке, а с ними прозорливый старец Симеон. Она с ними возрастала, он ее утешал, и она им и жила. Это до встречи с о. Серафимом. После Вознесеновки они жили в Дубровке, и она с ним. А хозяйка ее возненавидела. „Ты, — говорит старцу, — живи, а ты, Машутка, не нужна здесь“. А отец Семен в ответ: „Без Машутки и я не останусь“. Из Терновки они подались в Бароновку, там тоже верующие жили. Но не

сказать, чтобы особо верующие. Но пошли на это. Узнали про него, пришли раз, другой, а он их обличал, они богатые сестры — монахиня Мартирия и схимонахиня Смарагда. И их тоже о. Серафим постригал.

А некоторые в прошлом были семейные. У инокини Татьяны был муж, семья, но он погиб на войне. Дочь и. Татьяны хотя и не пострижена, но живет строго, уже 12 лет не ест мяса. Надежда была замужем, Мария — тоже вдова военная. В церковь ходили, псалтирь читали, имели дома церковные книги⁴⁴.

Отец Серафим опекал не только монахинь. Он нередко посещал те дома, где жили послевоенные вдовы и с большими трудами растили детей. Посещал и просто благочестивые семейства. Рассказывает Раиса Алексеевна Сотникова (1936 г.р.), жившая в пору настоятельства о. Серафима в ячейском храме с родителями неподалеку от Ячейки. С батюшкой общались в основном ее родители. Радушные сельчане приглашали его в гости, помогали продуктами. «Мы

⁴⁴ Экспедиция 2000 г. Архив автора.

жили в нескольких километрах, — рассказывает Раиса Алексеевна, — от церкви. Батюшка с моим отцом дружный был. А брат был шофером и часто привозил его к нам по таким праздникам. Тогда рыбы много в речках ловилось всякой. Отец был рыболов. Пригласят батюшку в гости и какой только рыбы нет на столе: и отварная, и жаренная, и соленая, и копченая. Гостинцев дадут с собой. Гостинцы я ему носила. Мама наложит рыбы: „На — неси батюшке“. И батюшка меня сразу приучил брать благословение (мы до него не знали про это). Бывало, приду, сразу возьму благословение. А он всем своим говорит: „А ну-ка идите, встречайте, Рая к нам в гости пришла“. Говорю: „Батюшка! Как мне тут нравится, как мне хочется жить вот так, чтоб церковь была рядом“. А он меня по голове гладит: „Будешь, будешь жить“. И вот я когда замуж вышла, стал жить рядом с церковью»⁴⁵.

Дом другой жительницы села, Анастасии Васильевны Бычуткиной (1938 г.р.), о. Серафим часто посещал, так как мама Анастасия Ивановна осталась вдовой, муж погиб на фронте, жить было трудно. Анастасия Васильевна — человек с характером резким, категоричным, в разговоре приводит яркие характеристики к портрету о. Серафима и четко характеризует его пастырское значение. «Мы (прежде) не понимали, чтоб брать благословение. А мамака моя, куда б ни ехала, всегда бежала к батюшке брать благословение. Он ей подарил четки и Псалтирь на день рождения. А она: „Батюшка я не знаю, как читать“. Он написал ей буквы, благословил и все. И она не только Псалтирь, даже газеты читала. И картинок много давал с иконочками и монастырями. А у нас монашек много ночевало, когда на праздники приезжали на службу к батюшке. Они эти картиночки нам убирали, украшали.

Отец Серафим был духовным отцом нашим. Всех он разблажал, всем помогал. Обратишься: „Батюшка, как у меня голова болит“. Он: „Подойди под Чашу“. Или из-под престола святыни даст — водички или елейца. Сейчас этого нет. Вот почему он всегда соборовал вазелиновым маслом, а сейчас соборуют подсолнечным маслом. Мама хорошо соринки и щепки из глаза могла вынимать, благословлялась у о. Серафима, вынет и помажет этим маслицем из-под престола.

На первой неделе Великого поста по триста

человек приходило на исповедь. Ребята считали. Сначала была общая исповедь. Тогда два хора было: монашек и мирских, а батюшка говорит с амвона. После исповеди подходили под разрешительную молитву по двое-трое. Он накрывает епитрахилью и разрешает от грехов. Когда он исповедовал, никогда у нас не спрашивал грехи. Он читал, а мы лишь твердил: „Грешные, грешные“. Мы еще не понимали ничего. Крестил как-то отец Василий Золотухин из Ясырок и спрашивает у крещаемого: „Отче“ знаете? А отец Серафим, когда услышал от наших эту историю, так сказал: „Да сам-то отец Василий давно „Отче“ узнал? После войны, а до войны и не знал“. Это батюшка так нас защищал, потому что мы были забитые (дети), учителя нападали на нас, страшная жизнь была. Мы — дети причащались раз в год Великим постом, а наши родители почаще, во все посты»⁴⁶. В конце службы о. Серафим произносил короткие, но емкие и назидательные проповеди. Пелагея из Матреновки запомнила смысл одной из таких проповедей: «Плод смирения есть мир душевный, радость. Это та пристань, где находили покой все добрые подвижники, все скорбящие душой, все жаждущие спасения. Не бойтесь потерпеть скорби и болезни — все труды для получения смирения, не бойтесь проходить по пустыне уныния, в которой душа как бы теряет все и не в силах двигаться дальше. На этом пути скорее всего придешь к смирению»⁴⁷.

Едут как-то батюшка и моя мамака по нашему селу с капустой, а дома то у людей большие, вот мамака и говорит: «Ой, батюшка, какие у всех дома-то большие! А он: „А что в этих домах-то. Ты погляди, что в этих домах-то“».

Время было не только в материальном смысле тяжелое, но особенно в духовном, много было колдовства, приворожений. И батюшка видел, что и в церковь, такие, ходят. Не раз он говорил: «Кто в чем стоит, кто в хомуте». Это он про присух⁴⁸. По грехам своим люди терпели от таких колдунов. (В доме Анастасии Васильевны, например, от этого болела скотина). Мамака обратилась к о. Митрофану помолиться, чтобы избавиться от напасти. И отец Серафим «установил» нам скотину. А то только овца окотится, она уже стучит (то есть сучит ногами, бьется). Принесли мы младенческое ему. Что он делал, я не знаю, но Духом Святым, молитвами отвратил от колдуньи.

⁴⁵ Жительница с. Ячейки Раиса Алексеевна Сотникова (1936 г.р.). Экспедиция 1998 г. Архив автора.

⁴⁶ Жительница с. Ячейки Анастасия Васильевна Бычуткина. Экспедиция 1998 г. Архив автора.

⁴⁷ Тетрадь А. А. Казаковой.

⁴⁸ Присухи — те, кто обращались к колдунам, чтобы приворожить любимого человека.



Монахини в миру. Поликсения (Шитова) — вторая слева.
1999 г.

И коровы и овцы стали здоровых приносить телят и ягнят. Обошел, помню, батюшка дом наш, когда в последний раз был у нас и говорит: „Этот дом никогда не оскудеет“⁴⁹.

Для сельчан Ячейки, с которыми нам пришлось беседовать об о. Серафиме, время его пребывания у них — совершенно особое. Многие вспоминают, как торжественно проходили Пасха, Рождество, Крещение, с соблюдением старинных обычаев. Батюшка проводил праздники особо торжественно, готовился тщательно, и эти дни настолько запоминались сельчанам, что до сегодняшнего дня они полны воспоминаниями прошлого, той радостью, которую они испытывали на празднике. Поражали и украшения, и обряд, и молитвенное одухотворение. Анастасия Васильевна Бычуткина вспоминает: «Воду святити на Крещение, шалью его накроют, а морозы какие были! А руки в инее или мазал, чем не знаю. Шел к реке, сам держит в руке крест, а мороз какой. Васька у него был — завхоз, голубей поналовит. У нас голуби откуда-то прилетели, сели на крышу мамакиного дома. Она взяла да построила им клетушку. Они и гуртуют там всю ночь. А утром, когда воду освящать, двое мужчин стоят на крыльце с ружьем. И вот Васька из-под ризы пускает голубей, по паре и, глядишь, они полетели. А эти двое стреляют вверх в честь праздника.

А певчие поют: „И Дух в виде голубине известоваше словесе утверждение“. А на улице же рядом с речкой отец Митрофан готовил изо льда и стол и подсвечники и там служили...».

На Пасху кроме торжественной ночной службы совершался крестный ход по всему селу. «А в Велик день кончается служба пасхальная берут знамена⁵⁰, иконы приносили, и в каждый двор с певчими, Алексей Федорович, шли христославить. Все было весело и хорошо. Когда он с иконами так ходил по домам, то к Лешке хромоту не пошел: „У него собака ходит в избу“. Вот человек умрет, он с певчими приходит, отслужит чего надо, и понесли на кладбище с

батюшкой и певчими. Всё было весело»⁵¹!

Несколько иной взгляд на церковную жизнь был у тех, кто находился в непосредственной близости от о. Серафима, кого он готовил к монашеству. Со слов монахини Поликсении, тогда молодой девушки, ее поражала святость, которая присутствовала везде, где находился батюшка, и особенно в храме. Преизобилие благодати покрывало все бытовые тяготы того времени: голод, холод, невзгоды и делало людей внутри этого мира любвеобильными, заботливыми, сердечными. «Какие люди были благодатные, скорые на помощь. Приедем к тете Феколе (в Ячейке) на квартиру и ночуем человек сорок. (Когда приезжали из Мордово к о. Серафиму. — О. К.) А она нам настелит маты, такие были из куги (камыш) и тахта была, а топили навозом. Изба каменная, старинная, большая, и мы все сорок человек на полу помещались. Оденемся суконной дерюгой. Лавка была широкая, метра два длины. Она — хозяйка — по четыре ведра картошки нам варила и ставила кадушку ведер на 5 кваса. Капусты много нарубали. Придем, бывало, из церкви и хоть и нетопленной, но такой благодатной. И такая у нас любовь была, как мать родная был он нам. И между собой имели такую любовь, такую дружбу. Бывало, сама не будешь есть, а все хочется другого человека угостить. Зайдет,

⁴⁹ Жительница с. Ячейка Анастасия Васильевна Бычуткина. Экспедиция 1998 г. Архив автора.

⁵⁰ Так здесь называют хоругви.

⁵¹ Анастасия Васильевна Бычуткина. Экспедиция 1998 г. Архив автора.

бывало, кто в гости, его хочется приветить, последний кусок отдать, чем-то уважить. Сейчас такого нет. Пост Успенский строгий, я весь пост у батюшки пробыла».

Всем близким духовным чадам были памятли службы о. Серафима. Продолжает рассказ монахиня Поликсения (Шитова): «В 4 часа затемно, наощупь одеваемся и бежим в храм. Приходим к нему, от одного колыхания веточек холодно, но только к воротам церковным подошла, тебя так и ошунит (охватит) благодать. Заходишь в церковь, все матушки старые монастырские уже сидят на лавочках, тубареточках, молятся с четочками. Лампадки горят все. Наклонишься к полу, а от него — от досок благоухание идет. Даже пол был молитвами пропитан. Матушек было много, все старинные — монастырки: матушка Луша, Паисия, Досифея, Геронтия, Митрофания, Ксенофонтия, Амвросия. Приходит батюшка, все под благословение подходят к о. Серафиму. Упадешь к нему в ножки, а он спину перекрестит нам. А потом мы стоим, он идет и на ходу говорит: „Санька, я прибегу к своему духовнику, он меня благословит“, а я думаю: „Господи, какое батюшкино благословение сильное“. „Да я ведь когда вас благословляю, я ведь Господа прошу“. А мы, как первый раз пришли к нему, по семь раз подходили, глупые»⁵².

Александра Андреевна Казакова — сама родом из Ячейки, ныне схимонахиня, рассказала о своих впечатлениях от празднования дня Ангела о. Серафима 1 августа. «Было очень много народа с разных краев. Перед службой батюшка вышел из кельи и направился к храму. Одет он был в рясу, на голове камилавка, в руках посох. Люди стояли плотно в два ряда от кельи и до храма, вся дорожка была устлана цветами, пели умирительно: «Вьется речка Саровка в пустыне, где Серафим обитал...». Батюшка шел и всех

благословлял. Все плакали, плакал и он. Этого не забыть никогда. А в церкви какое было пение. На всенощной как запел хор «Благослови душе моя Господа, Господи, Боже мой, возвеличился еси зело», — я не понимала где я стою, на земле или на небе, есть ли крыша у храма или нет? Пел левый клирос: монастырская монахиня Паисия, матушка Онуфрия, Раиса Дурова и сердце трепетало. Думала, что всегда так будет. Но потом, сколько ни была в самых разных монастырях и храмах, но такой радости и торжества от службы никогда не испытала».

Мария Степановна Юрова также говорила о радости от службы: «Ездили в церковь молиться»⁵³. А приедем оттуда, у нас такая радость, целую неделю все у меня в достатке и все благополучно».



В доме монахини Поликсении (Шитовой). 1999 г.

Территория о. Серафима

В основном к о. Серафиму приходили сельские жители. Но он также имел духовных детей в г. Воронеже (здесь было много монахинь, которых он регулярно посещал). На востоке Воронежской обл. территория духовного влияния о. Серафима не доходила до Борисоглебска включительно и доходила до Волгоградской области, потому что были духовные чада из Урюпинска. Но здесь на границе трех областей в селе Питиме в приход-

⁵² Экспедиция 1999 г. Архив автора.

⁵³ Жительница г. Эртиля Воронежской обл. 1927 г. р. Архив автора.

ской церкви был свой старец — много постригавший женской сельской молодежи. К нему большей частью и ездили волгоградские, да тамбовские⁵⁴. Здесь был свой особый куст расселения старинных монастырских монахинь, которые жили под духовной опекой других духовников. На западе крайней точкой влияния был г. Воронеж. На юг влияние о. Серафима не шло ниже сел Тишанки, Никольского — там, где начинались вкрапления украинского населения. В Тишанке духовным чадом о. Серафима была «старинная» монахиня Модеста. Но она не обладала той долей авторитета и духовных сил, какие были у матушек Серафимы и Михаила.

Плотным было кольцо расселения монахинь в прибитюжских селах, т. е. непосредственно вокруг центра — Ячейки, где служил старец Серафим. Видение духовными детьми территории окормления о. Серафима, конечно, оказывается разным. Вот взгляд из «центра» — из Старого Эрtilя — места ближайшего к Ячейке. «Сколько сел обходил батюшка, — рассказывал Иван Степанович Косякин (1932 г.р.), житель Старого Эрtilя, — один храм тогда оставался на 13 сел и более в радиусе до 50 км. К нему относились села Битюг-Матреновка, Самовец, Сластеновка, Щучье, Щучинские Пески, Эрtilь, Вознесеновка, Васильевка, Фрунзе, Победа, Гриняк, Троицкое, Никольское, Михайловка. Ездил он в последние годы на машине с шофером, когда священникам разрешили иметь автомобиль⁵⁵. В основном это были поездки к тяжелым и предсмертно больным людям. Иногда за батюшкой присылалась телега с лошастью, чтобы смог пособоровать умирающего или окрестить младенца»⁵⁶.

Со слов Марии Тимофеевны Дьячковой (Верхняя Тишанка): «к старцу Серафиму ездили из Панина, Щучьего, Михайловки, Садового, из Таловой, Чиглов, Бутурлиновки, г. Анны, с. Никольского, Рубашевки, Курлацкого. Ближайшие к Тишанке селы — все ездили к о. Митрофану. Уже смертельно больной лежал он в Воронеже в доме племянницы. Он ей до нашего приезда сказал: “Рая, там из Тишанки идут, пусть ко мне зайдут”. Все ему Господь открывал. И он пока был здоров, посещал нас. В Курлак, в Чиглу и в Тишанку иногда сам при-

езжал. Одевался во все женское, чтоб не узнали, и тайно совершал Литургию»⁵⁷.

Некоторые духовные дети, как и множество людей, ищущих старческого совета, приезжали издалика: из Москвы, Ленинграда, Челябинска.

Последние годы

В областном воронежском архиве сохранились материалы о переводе о. Серафима на новый приход, после Ячейки. Против священника были настроены некоторые жители с. Ячейки, очевидно, из числа тех, кого он обличал. Их коллективные письменные обращения дышат злобой и ненавистью к о. Серафиму, в обращениях много клеветнических примеров о безнравственном поведении, обвинения в блуде. Жители села рассказывали нам при опросе, что эти люди были действительно настроены очень воинственно, даже собирались физически расправиться с о. Серафимом. В основном это были те, кто имел отношение к магии и колдовству.

Но формально батюшку перевели на другой приход за нарушение правила совершения похорон. О. Серафим склонился на просьбы близких ему духовных чад из с. Ячейки похоронить умершую прихожанку храма Варвару Казакову, много делавшую для церкви, *с почетом*, т. е. по сельскому обычаю с хоругвями. В этом случае из церкви в дом, где находится покойник, приносят специальные похоронные хоругви из алтаря, священник служит литию и после покойника торжественно, с хоругвями, несут в церковь на отпевание. Уполномоченный по Воронежской обл. запретил этот местный обычай, и как только о. Серафим нарушил этот запрет, на него донесли. Вскоре о. Серафима вызвали к архиерею в епархию и дали новое назначение в с. Девицы. Как утверждают свидетели «даже домой не разрешили вернуться». Батюшка уходил к архиерею, заранее говоря, что его переведут в другое место. «Батюшке не хотелось расставаться со своей паствой, к которой он так привык. Здесь его многие любили. Провожать в епархию, зная, зачем он туда едет, вышло все село. Бабы голосили и причитывали как по покойнику. Столько крику было. Батюшка уговаривал народ вернуться в село, а люди все шли и шли за ним. Потом многие из Ячейки ездили к нему в Девицу. Но недолго про-

⁵⁴ Со слов о. Иоанна (с. Жердевка Тамбовской обл.). Архив автора. Запись 2007 г.

⁵⁵ Легковые автомобили были у 14 священников Воронежской епархии, в том числе у о. Серафима и у о. Василия Золотухина из Ясырок. (ГАВО. Ф. 967. Оп. 1. Д. 124. Л. 258).

⁵⁶ Экспедиция 1999 г. Архив автора.

⁵⁷ Полевые материалы в Воронежской обл. 2001 г. Архив автора.

⁵⁸ А. А. Казакова. Экспедиция 1998 г. Архив автора.

был о. Серафим в Девицах, стали его переводить из прихода в приход: в Бурдино, в Никольское, Путятино. В Путятино многие из Ячейки ездили к нему на службу»⁵⁸. Даже за короткое время служения на каждом новом месте, о. Серафим, собирав вокруг себя духовно чутких людей, которые становились его духовными чадами. Всех их поражала необыкновенная красота и молитвенность проводимых священником богослужений. В этом мы сумели убедиться, опрашивая верующих в с. Никольском.

25 июля 1964 г. батюшка отслужил Литургию в Путятино, которая стала последней для него. Вскоре батюшка тяжело занемог и слег в постель. Врачи нашли, что положение его очень серьезно. Сначала о. Серафим лежал в Падах (деревня Пады) у монахини Александры. Приезжающие его спрашивали: «Батюшка, на кого вы нас оставляете»? Он всем говорил: «На Царицу Небесную». Матушке Агриппине он сказал: «Никто о вас так заботиться не будет, будете из угла в угол бегать, а утешения не будете иметь. Как мне вас всех жаль». И заплакал. «Если обрету милость у Господа, то не оставлю вас и за гробом».

К больному о. Митрофану в Пады приезжала Вера Кубарева (когда-то батюшка был у них с матерью Веры на квартире). Мать Веры Анна взяла на хранение икону о. Серафима «Божья Матерь при кресте». Этой Вере о. Серафим говорит: «Вера, скоро я умру, мне явилась Божья Матерь и сказала: „Отец Серафим, исцелить тебя или нет“? Я от страха не знал, что сказать. Сказать „умертвить“, страшно, а сказать „исцелить“, вдруг окажется не ко спасению души. И я ответил: „Да будет воля Твоя, Пречистая“. И сразу их не стало, стали невидимыми. А было их трое»⁵⁹.

Еще когда о. Серафим служил в Ячейке, он уже показывал близким ему людям место своего будущего упокоения — рядом с могилой матери на кладбище в с. Михайловке. «Однажды мы, — вспоминает духовный сын батюшки, — пошли на место, где теперь его могила в Михайловке. И батюшка говорит племяннику: “Вася, ты меня будешь хоронить тут, где похоронены мать и отец”. И указал место своей могилы — воткнул тростинку. Потом, когда пришли рыть могилу, то нашли эту тростинку»⁶⁰.

Рассказывает А.А. Казакова: «В субботу в 6 часов утра, 1964 года, 25 декабря схиигумен Митрофан, приняв незадолго до кончины

схиму, скончался. Гроб, обитый черной материей, поставили в Покровском кафедральном соборе. Хоронить его повезли на родину в с. Михайловку. Там сделали склеп, по его же завещанию. Перед смертью батюшка говорил, что на этом кладбище будет лежать трое мощей, не уточняя чьи. Пока в соборе находился гроб, все время молилось множество людей. Отпевал батюшку священник Михаил. Он все удивлялся, что так много народа и все плачут. При гробе очередь. При жизни о. Серафима он не знал, что народ его так почитает. Всю ночь молилась у гроба отца Серафима схимонахиня Серафима Мичуринская, она и при смерти присутствовала. Тогда она говорила так: “Сейчас будет умирать батюшка, давайте ему дорожку очистим”. У нас кто поклоны клал со слезами, кто акафисты читал. Матушка Серафима стала раздавать вещи о. Серафима на молитвенную память». А.А. Казакова передает то, что она слышала от прозорливой схимонахини Михайлы (Сарычевой): «На 40-й день матушка Михаила сугубо молилась об упокоении и перед ней появились отец Митрофан и отец Кукша (Величко). Они спустились на облаке, стен и крыши, как будто не было в доме. Поклонились матушке, поблагодарили и говорят: «Мы спешим, нам трапеза будет в 200 домах и мы должны побывать везде»⁶¹.

+++

Схиигумен Серафим, безусловно, самая крупная и яркая личность 1940-х — 1960-х годов Воронежского региона. Он сумел собрать под свою духовную опеку не только всех здесь расселившихся из закрытых монастырей монахинь, но и сам собирав и постригал немало девушек и вдов, духовно поддерживал многодетных вдов, руководил как старец большим числом старинных опытных монахинь, стариц. Вокруг него образовался, по сути, монастырь в миру — несколько старцев и стариц совместно руководили, большим числом монахинь в миру и просто благочестивыми мирянами, и в центре этой старческой общины стоял схиигумен Митрофан.

Как следует из рассказов близко знавших схиигумена Митрофана людей, он вел дневник, куда попадали некоторые события жизни, материал для проповедей, а также стихи, которые носили автобиографический характер. Например, от времени пребывания в затворе в 1930-е годы осталось это стихотворение:

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Фурсова М. Г. Экспедиция 1999 г. Архив автора.

⁶¹ Там же.

Убогая хатенка с виду не красна,
Кустарником густым вокруг вся обросла,
Проходим этот домик виду не давал,
А кто в нем скрывался, Господь тех охранял.
Внутренность хатенки с виду не красива,
Но в ней образ Пречистой всех он поразил.
В этой лачуге Пречистая стоит,
Перед ней лампада неугасимо горит.
Животворный источник незаметно потек,
Ищущих правды издалика привлек.
Десятки и сотни — пешие — идут,
Лишь бы только в общине побыть.
Скорбящий и болящий к Пречистой спешит,
Имеет надежду, что сердце утишит.
Имеет надежду и радость в сердцах,
Что Христос печется о страждущих отцах.
В ничтожной лачуге ветхой уже
Льется источник о заблудшей овце.
За мир православный и бывших здесь
Льется источник омывший всех.
Забыли мы скорби, забыли здесь всё.
Одно лишь мечтая, ради души, творить всё.
О Боже всещедрый, Отец Всеблагий!
Благодарим Тя, Владыко, что мы в общине святой.
Слезы радости польются о прошедших делах,
Нерадиво мы жили в прошедших годах.
Порываем сети, попираем его путь,
Принимаем монашеское бремя,
Вступаем во истинный путь.
Злобная буря пусть не шумит,
Имеем надежду, Христос утешит.
Адская злоба сильно трепетала,
Что обитель святая из мертвых восстала.
Много злой обиды она натворила.
Монашеским чином обитель наделила.
Помните обитель помните святую,
Ведь вы возродились в жизнь другую,
К Пречистой Деве ныне воззовем,
Лейтесь слезы, молитесь за Богородицу
Деву — Мать истинную⁶².

«Обитель святости», «обитель святая» — это место, где начинает обильно изливаться благодать Божья, где молится духовный отец о своих духовных детях, где, как повествует текст, находится святыня — чудотворный образ Божьей Матери. С ней, как рассказывают духовные дети, было связано много чудесных событий и откровений о. Серафиму. Святость «обители» («места») и в том, что здесь мирской человек наделялся

монашеским чином, приобщаясь по духу к святому небесному сообществу ангелов. Если рассуждать о динамической стороне созидания святой общины, святой обители, под которой в широком смысле автор понимал, конечно, духовную семью, им окормляемую, то она такова. Перед образом Пречистой начинается горячая и неустанная молитва духовного отца, о чем о. Митрофан не пишет, но ее следствие — «животворный

⁶² Стихотворение записано по памяти, со слов монахини Поликсении (Александры Ивановны Шитовой, 1927 г.р.) из с. Мордово Тамбовской обл. Неполный вариант этого стиха записала А. А. Казакова со слов Пелагеи (два четверостишия).

источник незаметно потек», т.е. благодать Божья, потекшая от чудотворной иконы. К ней и потянулись люди, несмотря на внешне не изменившийся вид убогой хатенки и, как мы знаем из других источников, несмотря на строгость закона, гонения, доносы, угрозы попасть в лагерь. Святость, как реальная дарованная по молитвам духовного отца сила, становится выше всех жизненных трудностей, опасностей и перипетий. Священник снимает с себя по смирению всю ответственность за чудо происходящего, всю славу вверяя Божьей Матери.

Совсем по-иному смотрят на происходящее духовные чада. Это заметно и в стихах, которые мы приведем ниже, и в обычной «прозе» жизненной повседневности.

Схиигумен Митрофан был тесно связан с сельской народной традицией, из которой он вырос, так он любил сельские плачи (вопли) на похоронах, и просил в отдельных случаях повопить на похоронах о тех мирянах, которые ему были особо близки. Может быть, с воплением отчасти связан и жанр подобных биографических стихов о духовном отце. Они также должны были обострить чувство, согреть сердце, чтобы молитвенно вспомнить о нем.

Не все эти стихи имеют житийную направленность, для этого требовалось иметь зрелую богословскую мысль и одновременно хорошее знание биографии духовного отца, причем в особой акцентировке. Опросивши большое число духовных чад и людей, знавших о. Митрофана, отметим, что у подавляющего большинства из них не было детального представления о жизни духовника: максимальное знание о времени, когда он служил у них на приходе, и несколько важных событий из прошлого, логически дополняющих образ, который здесь сложился. Больше даже не искалось. Нам известны только два человека, их, возможно, их немного больше, которые в деталях знали (до появления книги!) жизнь схиигумена Митрофана. Между тем, следует заметить, что он не был замкнутым человеком и многим рассказывал о себе, но лишь священникам — своим особо близким собратьям по служению — он подробно описывал канву свой жизни так, как это было важно и интересно знать священнику. Это мы выяснили, сравнивая большое стихотворение



Протоиерей Александр Бородин

прот. Александра Бородина, написанное сразу после кончины о. Митрофана, с корпусом собранных воспоминаний, постриженных им монахинь. Именно стихотворение протоиерея Александра, распространяемое в рукописном виде, и было, скорее всего, той первой формой «жития» — жизнеописания, благодаря которому все кто знал и помнил старца Серафима, могли ознакомиться с полной его биографией.

Вот как описал жизнь схиигумена Митрофана протоиерей Александр, близко его знавший и сам перед смертью принявший монашество и схиму с именем Питирим.

(«Стих, посвященный приснопамятному игумену Серафиму, в схиме Митрофану, в мире Никите Мякину, от ближайшего сослужителя прот. Александра, написанный в день его кончины»)

Вот я, отче Серафиме
Один из друзей твоих,
Посвящаю тебе ныне
После смерти твоей стих.
Вы — мой друг, я Вам был верен,
Был встречаться с Вами рад
Я поэтому намерен
Написать для Ваших чад.
Я пишу его тем людям,
Кто о Вас всегда молил,
И тем, кто у Вашего гроба
Слезы горькие пролил.
Кто в Воронежском соборе,
Там всю ночь читал и пел,
Кто молился там при гробе
И кто ко гробу не успел.
Тем, кто с юных лет Вас знали,
И кто позже Вас узнал,
И кто в радости и горе
К Вам так часто прибегал.
Тем, кто жизнь свою земную
Через Вас переменял
И кто жизнь избрал иную,
И о ком ты сам молил.
Вот теперь я, добрый старец
Сел писать, как я уж мог,
Все о том, как я Вас знаю,
Да поможет в этом Бог.
Ты родился и крестился,
И Никитой назван был.
С юных лет Богу молился,
Всей душой его любил.
С юных лет ты к Божью храму
Очень часто прибегал,
От товарищей, бывало,
Ты тихонько убегал.
В Нила-Постного обитель
Ты потом решил уйти,
Ты родителей оставил,
Душу чтоб свою спасти.
Но в обителях Нила
Ты не долго прослужил,
Там судьба все изменила
Указала идти в мир.
Много раз ты был в пещерах,
Там святых отцев молил,
Чтоб крепили тебя в вере,
Даровали тебе сил.
Был проверен и испытан
И как добрый инок был
В своем храме был ты ктитор,
Всей душой ты храм любил.
Но и так недолго было,
Сам Господь тебя призвал,
И духовное кормило

Сам тебе Он даровал.
Ты епископом Захарием
В сан священный возведен,
Вместе с ним о том вздыхали
Этот путь очень труден.
И владыко твой Антоний.
Твой наставник и отец,
После вашей хиротонии
В Киев вызвал наконец.
Вот тебе отец, Никита,
Новый подвиг предстоит,
Твоя просьба не забыта,
Будем Господа молить.
Ты со старцем Анатолием
Ко Господу воззвах
После вашей хиротонии
Вскоре стал иеромонах.
Как Саровский чудотворец,
Ты был назван Серафим.
Он великий богомолец,
Преклонился ты пред ним.
В этом звании великом
Ты всю жизнь потом служил
Называли вас Владыкой
Те, кто вами дорожил.
Вот не стало Литургии
Совершаться по местам,
Ты, как пастыри святые,
Ее в келье совершал.
Так горел, светильник, к Богу,
хотя тайно от людей,
Тот, кто знал к тебе дорогу,
Утешался от скорбей.
Вот воронежский Иосиф,
Он владыко и отец,
Вот тебя он, отче, просит
На простор пасти овец,
Ты назначен был Владыкой
В свой родимый, близкий край:
«Иди подвиг там великий,
Там пред Богом совершай.
Ты молился у престола
Об умерших и живых,
За монаха и простого,
И за добрых, и за злых.
Не считался с расстояньем,
Часто ты пешком ходил,
И людей ты к покаянью
Очень много приводил.
Ты для всех был пастырь добрый,
Был ты старец и отец,
Преклонял гордыню гордым,
Те смирялись, наконец.
И с твоим благословеньем
Они делали дела.

И в духовном настроении
Стадо вся твоя была.
Чья душа горем убита,
На чьем сердце есть печаль
Все тобою не забыты
Всех ты, отче, привечал.
«Потерпи, — бывало, скажешь, —
Испытание Господь дал»
И в чем опытен подскажешь,
Чтобы больше не рыдал.
Ты в ячейском Божьем храме
Лет одиннадцать служил
Все тобою прихожане —
Старый и малый дорожил.
Своей старческой молитвой
Никого не оставлял.
Всех ты в радости и горе
Завсегда благословлял.
Кто достоин постриженья,
Ты их, отче, постригал,
И в монашеском звании
Другие имена давал.
Ну, а те, кто помоложе,
Посвящались в рясофор.
Зачислялись они тоже
В Серафимовский собор.
И вот все они, бывало,
В вашей встрече станут в ряд,
От велика и до мала
Всей душой к Богу горят.
Еще было утешенье,
Лучше всех для них утех,
После службы в вашей келье
Общая трапеза для всех.
Знать уж Богу так угодно,
Из Ячейки вам уйти.
Подчиняясь Его воле,
Дали новые пути.
Все поплакали сестрицы
О разлуке, о твоей.
Ты ушел в село Девицы,
Как теперь уж не жалеи.
И с тобою отец Власий
В храме Божиим там пел.
Были тоже неудачи,
Много от людей терпел.
О Евгении и Валерии
И о Власии скорбел.
Всем давал ты утешение,
Чтобы каждый потерпел.
Будет Господу угодно,
Все пойдете на приход.
Так духовно утешал их
Дорогой наш доброхот.
Теперь все они на месте,

Дорогой наш доброхот.
А тебя все переводят
Из прихода на приход.
Надломилась твои силы,
Повели они тебя.
Благо мира все не мило,
Только Господа любя.
Ты в Путятино поехал,
Уж здоровьем был слаб.
Воле Божией повинуюсь,
Добрый пастырь, Божий раб.
Двадцать пятого июля
Литургию совершал
Ты последний раз молился,
Пред Богоматерью вздыхал.
«На кого сирот оставить,
Кому мне их поручить?» —
Дорогой великий старец
Стал Владычицу просить:
«Ты возьми к Себе на руки
Всех монахинь и инокинь
Пусть они со мной в разлуке
Ну а Ты их не покинь».
Ты пять месяцев в постели
Про себя читал и пел.
О тебе мы все скорбели,
Знаем, ты о нас скорбел.
За тебя мы все молились,
Мы все, Господа, любя
И в молитве прослезились,
Добрый пастырь, за тебя.
И в Задонске, и в Ясырках,
И в Мордове, Вязовом
О тебе в храме молились,
О добром пастыре своем.
Где ты, отче, лежал болен,
Знали мы твои следы.
И к тебе мы приезжали —
И в Воронеж, и в Пады.
Ты нам, отче, напоследок
Хоть немного, а сказал
Не оставил своих деток,
Всех духовно наставлял.
Кто был близок, все простились,
Наступает смертный час
Все вокруг засуетились,
Все заплакали о Вас.
И в последний час разлуки,
Ты не плакал, не грустил,
Завершил земные муки,
Тихо старец наш почил.
Мы теперь с тобой расстались,
Был двенадцатый декабрь,
Без игумена остались,
Как без кормчего корабль.

Кто же нам тебя заменит,
 Кто так будет нас пасти,
 И кому Господь нас вверит
 Бремя трудное нести?
 На кого ты нас оставил,
 Чтобы нами управлять,
 Наш игумен и наставник,
 Мы к тебе будем взывать.
 Вот ты отче Серафиме,
 Идешь в загробный путь,
 Умоляем тебя ныне,
 Ты про нас там не забудь.
 И Владычицу святую,
 Ты за нас там попроси,
 Чтобы нам здесь жизнь земную
 Безболезненно пройти.
 Тяжело нам расставаться,
 Старче дорогой, с тобой,
 Но куда теперь деваться,
 Что поделаешь с судьбой.
 Мы все плакали, рыдали
 И терзались мы душой,
 Но Вас не покидали
 До кончины гробовой.
 И никто не знал об этом,
 Что ты в схиме Митрофан.
 Для людей было секретом,
 Пока не внесен был в Божий храм.
 К твоему мертвому телу
 Собралось много друзей
 Из Воронежа, Мичуринска,
 Из Мордово и Грязей.
 Из Ячейки и Ясырок
 Все пришли Вам долг отдать.
 Все пришли с Вами проститься
 И у гроба постоять.
 Сколько плакали-рыдали

И пролили много слез.
 Сколько отче Митрофане,
 Близким горя ты принес.
 Пришли дальнии и местные,
 Наполняя Божий храм
 Тебе Царствие Небесное,
 Схиигумен Митрофан!
 Все они с тоской сказали:
 «Дорогой, любимый мой»
 И все с горькими слезами
 Возвращались домой.
 Теперь спи, наш незабвенный,
 В тиши обители святой.
 Настанет час благословенный,
 И мы увидимся с тобой.

+++

Спи ты, отче Митрофане,
 Христос всю жизнь тебя хранил.
 И мы твою почтили память.
 И ты при жизни нас почтил.
 Господь в земле тебя покоит.
 Уснул ты вечным сном пред Ним.
 Мы Его воле все покорны,
 Ему мы о тебе молим.
 Настанет час, и мы услышим,
 Услышим глас его трубы,
 Мы глас Господа услышим:
 И мы все Его рабы.
 Тогда предстанем на судище
 И раб, и царь в делах своих,
 Каждый пред всеми обличится,
 Что Фовора Божия не достиг.
 А как же нам преображаться,
 В том нам ты, отче, помоги.
 Уснул ты крепким сном, наш авва,
 О нас там Господа моли.

Протоиерей Александр, как это заметно, очень осторожен в оценках недавно усопшего схиигумена Митрофана. Нигде он не называет его подвижником, прозорливцем, высоким молитвенником, он лишь описывает вехи жизни почтенного пастыря. Делает это о. Александр, как он сам замечает, для духовных чад о. Митрофана, в утешение им. «Святой обителью» называется им место упокоения старца. Человеку, не знающему, где похоронен схиигумен Митрофан, может показаться, что речь идет о монастыре, хотя уважаемый воронежский пастырь был похоронен на сельском кладбище, возле своей рано умершей мамы, неподалеку от приходского храма во имя святого Андрея, Христа ради юродивого. В этот храм о. Митрофан ходил с детских лет, здесь он

алтарничал, был ктиторм. Но никакого монастыря здесь нет. Как нам думается, такая нарочитая погрешность допущена именно из-за желания показать, что центр святой обители, которую создавал своими трудами о. Митрофан, теперь здесь, на месте его упокоения. И словосочетание «серафимовский собор» можно понимать в двух смыслах: как духовную семью, которую он окормлял, и как храм-обитель, которую выстроил своими молитвами и духовническими трудами. Таким образом речь неявно идет о небесных обителях. Там о. Митрофан спит вечным сном, но одновременно молится за всех духовных чад.

Тема святости в стихотворении возникает еще в одном заключительном эпизоде. Святость обожения, фаворский свет Преображения

о. Александр рассматривает также в связи с именем о. Митрофана: «Как же нам преображаться, в том нам ты, отче, помоги».

Если сравнить стихотворение протоиерея Александра с другим стихом, написанным не известной нам по имени духовной дочерью о. Митрофана, то заметим, что тема святости выражена в последнем стихотворении несколько иначе. Вот это стихотворение:

Надгробное рыдание
Надгробное рыдание слышу,
Над гробом слезы льют,
А кто во гробе этом,
Ведь многие не поймут.
В нем лежит наш пастырь,
Блаженной жизнью жил,
Он шел тропой тернистой,
Для всех отцом он был.
Он тихий и смиренный,
Учил он своих чад,
И был он всем примером,
В нем мир, любовь и лад.
Как дивное светило.
Всех светом освещал,
Горел любовью к людям
И вере научал.
Стучался в двери многим
И многим говорил:
“Любовь есть благое”,
И многих гордых он смирил.
Ушел от нас пастырь добрый,
На смертном лоне он почил,
Любимых чад с молитвой
Божией Матери вручил.

25 декабря 1964 г.

Здесь драматизм потери передан с большей эмоциональной и образной силой. Духовник, совершенно очевидно описывается не как маститый и многоопытный, заслуженный старец, но как образ Христа. В стихотворении о. Александра есть звучание темы «доброго пастыря», так Евангелие называет Христа-Спасителя, но для священника Александра это именно священническая терминология, а не качественная характеристика образа. Все потому, что он эту тему не развивает. Есть, правда, еще один намек на образ Христа в трактовке восхождения на Фавор. А вот в стихотворении «Надгробное рыдание», святость предстает как свет Христа. И добрый пастырь здесь однозначно трактуется также. Тема начинает развиваться со сравнения покойного пастыря с образом светила, с солнцем, но духовным солнцем, потому что далее следуют слова «горел любовью к людям и вере научал». Дальше совсем ясное

сравнение «Стучался в двери ко многим» (ср. Евангельское из апокалипсиса Иоанна Богослова «Се стучу у дверей и стучу...»). «Смертное лоно» тоже очень интересный образ, привязанный к теме святости почившего. В Библии есть понятие «лоно Авраамово», место, где пребывают все праведники. В данном случае «смертное лоно» выглядит не совсем мертвым, а скорее неким лоном жизни для всех последующих чад, святое место в Царстве Небесном, которое духовный отец, как Авраам имеет от Бога, чтобы принимать своих спасшихся духовных чад.

Сравним, чем же отличаются приведенные в трех стихотворениях три точки зрения на святость. Сам духовник говорит об источнике святости, о благодати, о Божьей Матери, причастной к тому, что благодать Божия изливается на молящихся. Духовник называет святой обителью место, где он молится, где происходит чудо излияния благодати. Священника, который был духовно близким о. Митрофану человеком, в связи с именем схиигумена Митрофана интересует «святая обитель» — место, где похоронен старец, а также восхождение на святую гору Фавор, ради Преображения, обожения, святости. В этом может помочь усопший старец. В стихотворении «Надгробное рыдание» святость также связана с двумя факторами: местом — «лоном смертным» и лицом, ассоциирующимся с образом Христа.

Сравнивая три точки зрения на святость, мы видим некоторую разницу. Сам духовник — схиигумен Митрофан — связывает благодать святости с образом Божьей Матери, здесь источник святости места. В двух других случаях источником святости, условно говоря, является сам духовник, так как в нем отражен образ Христа. Но место, которое он делает святым, различается в этих двух случаях. В одном случае святое место — это место райской обители пребывания духовника (оно уже есть, по мысли автора стихотворения «Надгробное рыдание»). В другом случае святое место пока существует потенциально и оно не связано напрямую с именем о. Митрофана. Он лишь может помочь достичь святой горы Фавор, так как сам ее достиг, как косвенно следует из логики стиха.

+++

К липецкой блаженной Евдокии (Овечкиной), тесно общавшейся с о. Серафимом (Мякининым), приезжало много народа за помощью в духовных болезнях. Монахиня Иоасафа передает такой случай, имевший место с ее дядей. Когда он приехал к блаженной, она ему говорит: «Митя, какой ты плетень сплел, каждый колышек,

каждый прутик Иисусовой молитвой пропитан». А он, когда делал себе плетень, прутик с прутиком сплетает и молитву Иисусову произносит. (Кто, спрашиваю, его научил так делать?), а матушка мне, — говорит монахиня Иоасафа, — отвечает: «Да, а как же, он же — верующий».

Как просто нам сейчас делать социологические обобщения о прошлом и принижать веру простого народа. А народ был разный. И огромное число простых крестьян верили и жили так же глубоко, как жили люди в монастырях, спасаясь «молитвой и постом». Об этом свидетельствуют многотысячные крестьянские потоки в монастыри. Народ искал веры, а не просто ходил туда из «туристического любопытства», стирая в этих хождениях ноги в кровь и глубоко смиряя свои нравственные недуги. О глубине народной мотивации нам трудно судить только по количеству богомольцев (хотя и нужно судить!), но есть такие вот, как приведенные выше, краткие свидетельства глубочайшей укорененности народа в вере, сознательности его веры и необыкновенной ее силы. Эти свидетельства драгоценны. И в советское время народ сохранил эту вековую тягу к высокой истине, глубокой вере. Об этом говорят имена многих сотен (!) старцев и стариц,

которые в годы гонений заменили собой на время закрытые и разрушенные рукотворные храмы и монастыри. Церковь — это Христос, и в годы жестоких гонений Господь, как никогда ясно, обозначил живую плоть и ткань Церкви — Тела Христова.

В свете этих знаний об особой миссии старческого духовничества в годы гонений мы начинаем понимать: сколь великое значение для простого народа, для крестьянства имели монастыри. Здесь они получали до революции знания о духовном отце, о силе благословения, ясные и четкие понятия о строгом посте и силе молитвы. Старец-духовник в те страшные годы, когда монастыри были закрыты, когда приходской священник большей частью страшился исполнять духовнические функции, сделался «монастырем», своего рода духовно замечающим его для простого народа. В свете этого особенно понятными становятся слова прп. Серафима Саровского о том, что «здесь у меня и Афон и Иерусалим». Эти же слова повторяли потом многие старцы в советской России. И они были оправданы великими делами, ныне ставшими достоянием всей Православной Церкви, как бесценный опыт веры и святости.